

Евгений Саржин

ПИРАТЫ МЕДНОГО ВЕКА

Евгений Саржин

Пираты медного века

«Автор»

2024

Саржин Е. Л.

Пираты медного века / Е. Л. Саржин — «Автор», 2024

Медный век, заря цивилизации. Народ, живущий у моря, с древних времен поклоняется Невидимой Матери и слушает жриц, говорящих от её имени. Но находятся недовольные - их бунт подавлен, они изгнаны за море, чтобы на новой земле создать новый культ, мужской и жестокий. И вот юноше из мирного племени, перед хижинами которого однажды пристали плоты чужаков, придется понять, что же в действительности движет "морскими людьми".

© Саржин Е. Л., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Из материалов VI международной конференции в Болонье «Актуальные проблемы археологии среднего халколита Западной Анатолии».	5
Дома Черной матери	6
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	21
Стена	24
Глава первая	24
Глава вторая	28
Глава третья	31
Глава четвертая	34
Глава пятая	37
Глава шестая	40
Глава седьмая	42
Ликшури	46
Глава первая	46
Глава вторая	50
Глава третья	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Евгений Саржин

Пираты медного века

Пролог

Из материалов VI международной конференции в Болонье «Актуальные проблемы археологии среднего халколита Западной Анатолии».

Гёмби-III от Гёмби-IV отделяет слой пепла. Жилища погибли в огне, но неясно, шла ли речь о военном конфликте или некоем обряде при оставлении домов. Обнаружено два хорошо сохранившихся костяка, современных гибели селения.

Оба костяка принадлежат женщинам. Первый был раскопан в 2.2. м к юго-востоку от круглого здания в центре селения (святилища?). Проникающая рана в затылочной части черепа указывает, что она погибла от удара топором или мотыгой по голове. Ноги женщины в момент гибели были прижаты к туловищу, вероятнее всего, её связали. С учетом насильственного характера смерти и места обнаружения скелета, можно предположить ритуальное убийство, или, возможно, казнь преступницы.

Другой костяк, сохранившийся почти полностью, был обнаружен под полом одного из жилищ. Для селищ культур Гёмби-II и Гёмби-III такие захоронения нехарактерны – иногда в подвалах сохраняли черепа погибших, но никогда тела целиком. Царапины на шейных позвонках указывают на то, что женщине перерезали горло, но шла ли речь о...

К другим находкам экспедиции относится несколько статуэток в типичном для раннего халколита Юго-Западной Анатолии стиле – напоминающая виолончель фигура с женскими очертаниями, без лица. Подобные находятся и в других поселениях культуры, но найденные в слое Гёмби-III разбиты или расколоты.

Притом, что найденные в некрополе Катафигию предметы в целом, соответствуют неолитической культуре Родоса и имеют более или менее очевидные параллели с халколитическими культурами юго-западной Анатолии, данная находка резко от них отличается. Выполненная из известняка фигурка сохранила обломанную петлю с одного края и, вероятно, предназначалась для ношения на шее. Она представляет собой нечто среднее между фаллическим знаком и стилизованной шеей некоего животного. Подобные образы нехарактерны для анатолийских культур второй половины V тыс. до н.э., зато имеют четкие аналогии в памятниках позднего кипрского неолита. Её обнаружение в захоронении может свидетельствовать о ранних...

О возможных связях между Родосом и Кипром в последней трети V тыс. до н.э.// *Journal of Archeological Science*, 2014, 11, pp.112—116

Дома Черной матери

Глава первая

Чужаки прибыли третьего дня. Дети, собиравшие у кромки воды раковины, прибежали к жилищам с криками, и вскоре около четырех десятков человек – почти все люди в Домах, не ушедшие на охоту, рассыпались по берегу, вглядываясь в искрившее бликами море. Смотреть было трудно, но два плота уже подошли достаточно близко, чтобы их чуть загнутые вверх носы четко прочерчивались на колышущемся синем полотне. Вскоре стали хорошо различимы сидящие гребцы и человек с длинным шестом, то опускающий, то вытягивающий его из воды. Они искали безопасное место, чтобы пристать к берегу, и люди наблюдали за ними, не отводя глаз. Гости из-за моря так редко бывали здесь, что стоило увидеть и запомнить.

На Земле, конечно, знали, что за морем тоже есть твердь. Её даже можно было увидеть – с берега нет, но, если подняться на верхушку холма в ясный день, зубчатые, неровные вершины четко различались в дрожащем воздухе у небокрая. Кроме этих далеких гор ничего невозможно было разглядеть, и иногда, по вечерам, люди рассказывали страшные истории про заморскую землю, тех, кто на ней живет или пытался достичь.

Бывало такое редко – ни в Домах Черной Матери, ни в родственных или чужих поселках побережья не было ладей, которым бы люди доверяли в открытом море, и их долбленки скользили вдоль берега, иногда заходя вглубь Земли по разбухшим после дождей речкам. А вот люди, жившие на далекой тверди за Большой Водой, умели её пересекать. Делали они это, правда, совсем нечасто, и каждый раз появление их больших плотов становилось событием. Они были странными, люди из-за моря – удивлявшие своим диковинным языком, одеждой (иногда её отсутствием), привычками. Странными, необычными были вещи, которые они привозили. И счастливчики, сделавшие заморские вещи собственностью своего рода, хранили их поколениями.

Когда два приближавшихся к берегу плота были уже достаточно близко, чтобы различать сидевших на них людей, старый Кедр поднял над головой руку, в которой сжимал палку с блестящей каменной насадкой.

– Люди из-за моря устали, они захотят пить и есть, – сказал он неторопливо, – пусть матери вернутся к жилищам, вынесут два сосуда с водой, оленью ногу и плоды, сколько осталось. Живущие на Земле должны встретить чужаков, как должно.

К его словам стоило прислушаться хотя бы потому, что, в отличие от молодых, он помнил прошлый приезд гостей из-за моря. Тогда Кедр был юн, и еще не носил имени древесного духа, сейчас же – один из старейших в Домах, и гладко обструганная палка с круглым набалдашником из кварца, говорила о его власти. Власть проводить обряд во славу Черной Матери, начинать весну или обновлять дом. Впрочем, его советов слушались не потому, что он был стар или у него была особая палка, а потому что они, как правило, были разумны.

Последыш проследил глазами за тремя женщинами, которые пошли обратно к жилищам, за ними семенили двое детей. Чужие, непонятные люди скоро будут в Домах, наверняка, устроят пир. Он увидит тех, кто живет в таинственной стране за морем, может, выменяет у них редкую вещь. Его сородичи, стоявшие на берегу группками и оживленно говорившие друг с другом, конечно, думали о том же. Но юноша, в отличие от них, держал в голове не только странных людей, которые приближаются к берегу. Он выискивал среди стоявших её – Хромую. И, найдя девушку рядом отцом, долго не отводил от неё глаз.

Чужаки оказались не такими, какими их себе представляли жители Домов. Когда, проплавав вдоль берега некоторое время, они все же нашли удобное местечко, то начали, борясь с прибором, приближаться к усыпанной шлифованными камешками полоске земли. На самой береговой кромке два человека спрыгнули через поднимавшуюся над водой планку и, ухва-

тившись за выступавшие палки, начали тянуть плоты к прибрежной гальке. Стоявшие сверху гребцы отталкивались веслами, когда приливная волна накатывала, и упирали их в песок, когда она уходила назад. На стоявших менее чем в сотне шагов людей мореходы, казалось, вообще не обращали внимания. Бедро человека, ранее управлявшегося с шестом, прикрывала широкая повязка из выделанной кожи, второй, тащивший ладью вместе с ним, был совершенно голый.

– Подойдем к ним, покажем, что мы здесь, но мешать не будем, если нас не попросят о помощи, – проговорил Кедр, и они двинулись вперед. Впереди Кедр с жезлом в руке, рядом его младший сын Клюв, дочь со своим мужчиной, и две старшие матери.

Когда они достигли места высадки, один плот уже вытянули на каменистый берег, и прибой лишь слабо шелестел у темных, разбухших прутьев. Другой волокли на сушу тем же манером, что и первый. Мужчина в кожаной повязке повернулся к подходившим людям, и, окинув их взглядом, что-то крикнул своим товарищам. Его речь прозвучала странно – хрипло и грубо, внятная не более чем крики летавших над берегом чаек. Те, кто был помладше, растеряно переглянулись. Во всех знакомых им поселках Земли люди общались на одном языке. Конечно, в удаленных селениях речь звучала по-своему, но представить, что сказанное человеком можно не понять вообще, им было тяжело.

Старый Кедр вышел вперед и поднял руку с жезлом.

– Земля Черной Матери приветствует гостей моря, – сказал он громко и ясно, и медленно склонил набалдашник жезла вниз. В это время с плота соскочил еще один человек, тоже голый, но сжимавший в руке топор с небольшим лезвием, тонким и очень острым. Он что-то крикнул первому на своём каркающем наречии, тот кивнул, и, повернувшись к жителям Домов, сказал севшим, хриплым голосом на языке Земли:

– Хорошо. Вода.

Так состоялось знакомство.

Пробираясь между кустами, и стараясь ступать так, чтобы ничего под ногой не трещало, юноша невольно обращался мыслями к увиденному и услышанному за два дня. Он не мог подобрать правильных слов под свои ощущения – но мир, казавшийся ему совсем недавно маленьким, простым и понятным, неожиданно оказался куда больше и удивительнее, чем он предполагал.

Чужаки, вытащившие свои плоты на берег, были не слишком расположены общаться. Такой возможности особо и не было – никто в Домах не понимал их наречия, а из прибывших лишь один мог относительно внятно произнести около десятка слов на языке Земли. Они приняли у жителей Домов угощение – запеченную оленину, вареную чечевицу, орехи и ягоды можжевельника, хотя больше всего им, видимо, нужна была вода. С одной из ладей вынесли человека – он тяжело дышал и не мог самостоятельно подняться. Чужаки положили больного на землю, предложили принесенную еду и питье, но он был слишком слаб, чтобы есть. Старый Кедр сказал, что Сын Ночи уже коснулся его своей холодной рукой, и скоро гость отойдет. Не принесет ли смерть чужака на их земле беды в Дома? Люди судачили об этом, но никому не пришла в голову мысль заставить приплывших убраться. Так никто не поступал с гостями.

Но эти гости вели себя странно. Они не выпускали из рук топоров с тонкими, блестящими в солнечном свете, оранжево-желтыми лезвиями, и узких, легких копий. Разместились мореходы на берегу, постелив принесенные с плотов шкуры, и отходили в сторону, лишь чтобы избавить тело от лишнего. Не было похоже, что у них так уж много вещей на обмен, и что это их вообще интересует. Впрочем, главный – или тот, кого люди сочли таковым – все же вручил старому Кедру каменную пластину шириной с ладонь, узкую и очень острую с края. Жестами он показал, что она такая же, как на их топорах.

Сложно было понять, чего опасаются прибывшие, учитывая их численность – пришлецов было примерно как пальцев на руках и ногах у человека, то есть больше, чем взрослых мужчин в Домах. И, на вечернем совете у костра, Остроглазая предложила поставить кого-то следить за ними. Предложение обсудили так и этак, но в итоге от него отказались. Жителям Земли было чуждо насилие – далеко расположенные друг от друга поселки редко имели поводы для ссор, и, если они все-таки случались, все решалось обрядовым поединком один на один. А человека, боровшегося с холодными духами Большой воды, и вышедшего из волн целым, приветствовали как любимца Черной Матери, позволившей ему вернуться на твердь. Сложно было представить, что проплывшие сквозь беспокойное море сделали это только для того, чтобы убить кого-то во сне.

Действительно, ночь прошла без всяких тревог, и наутро даже чужаки казались немного спокойнее. Они начали гулять по берегу, так же, впрочем, с оружием в руках, а один из них подошел к мывшей в морской воде подстилку женщине и протянул ей руку. В руке, она потом говорила, были два камня, размером с ягоду можжевельника, и цветом, как застывший кусочек пламени. Женщина замерла, не будучи уверена, что хочет пришлец, а он произнес:

– Вода. Вам.

Это не складывалось ни в какой смысл, но больше он на языке Земли сказать, по-видимому, ничего не мог. Показав на челюсти, он дал понять, что голоден. И вскоре, старый Кедр, его старший сын, старшая мать и две простые матери несли к побережью то, что они решили уделить гостям. Этому предшествовал разговор, не слишком ли они щедры, ведь чужаки, видимо, приплыли не меняться. Победило любопытство и, отчасти, опаска. Накормив мореходов, можно было все-таки что-то узнать о тверди по ту сторону, а если им отказать... Кто знает, не возьмут ли они тогда нужное им без спроса?

От мыслей об увиденном Последыша отвлек звук шагов по тропе. В плечо врезалась шершавая кора, легкая поступь слышались совсем недалеко. В Домах он долго следил глазами за хижинкой старого Кедра, притворяясь, что возится с козой или обтачивает кость. Когда же Хромая отправилась в лес, скользнул вслед за ней, хотя не по тропе. Сегодня это было несложно – чужаки на берегу слишком занимали внимание жителей, чтобы они следили еще и за своими. И сейчас он видел, как девушка, выйдя из рощицы, осторожно ступает по сложным камням, спускаясь в овраг. Овраг, посвященный Черной Матери, куда запрещен доступ мужчинам. Собственно, ему и смотреть, как она туда заходит, совсем не полагалось.

Хромая, поддерживая рукой грубый лен накидки, перепрыгивала с камня на камень, легко спускаясь вниз. Она не хромала ни на одну ногу – как и у её сестры Сломанной все кости были целы. А дочь Остроглазой, чье имя значило на языке Земли «больная утробой», жаловалась на здоровье не чаще, чем её подруги. Но обряд еще не пройден – тот самый, что происходит с девушками в лунную ночь, и Черная Мать еще не защищает их сокровенную силу. Значит, они бродит рядом, Сын Ночи и сонм его безглазых духов, заставляющих людей кричать и метаться во сне, приносящих боль в животе и зубах, горячку и мертворожденных. Настоящее имя, показывающее силу и здоровье девушки, неизбежно должно было привлечь их голодный взгляд. А вот названная Хромой или Одноглазкой не прельстила бы.

Темные волосы девушки исчезли в овраге, и Последыш вжался в дерево, стараясь быть незаметным, неслышным, неосязаемым. Он не должен быть здесь. И Черная Мать, живущая в земле, способна почуять мужское.

Горячий свет с неба падал уже почти отвесно, когда Хромая начала карабкаться назад, взмахивая руками, чтобы удержать равновесие. Сбившиеся от усилий волосы упали на лицо, она, взобравшись, наконец, наверх, поправила ткань вокруг пояса и подняла глаза...

– Ты!?!

Последыш шагнул навстречу ей из-за деревьев.

– Я шел за тобой, Хромая, – произнес он нетвердым голосом, чувствуя, как было всегда, шум в ушах и ускорившееся сердцебиение при виде девичьей груди под льняной тканью.

– Тебе нельзя здесь быть, Последыш, – спокойно произнесла Хромая, она не казалась испуганной, только удивленной, – сам знаешь, мужчины не должны касаться меня, не наши мужчины. Когда я получу настоящее имя, у меня будет мужчина из Домов по другую сторону леса.

Едва ли это нужно было говорить вслух – по решению матерей, одобренным старым Кедром, три младшие дочери Туговласой должны были быть отданы мужчинам из поселка за лесом. Взамен соседи отдадут трех своих женщин, только что прошедших обряд. Так делалось давно, и все же...

– Когда мы были с тобой там, на пастбище, ты говорила иначе, – сказал Последыш, чувствуя, как пересыхает его горло, – ты сказала, что я могу...

– Ты не должен приходить к месту встречи с Черной Матерью, – мягко прервала его Хромая, рассматривая юношу сквозь прищур, и он не мог понять выражения на её лице, – и касаться меня тебе тоже нельзя, ты знаешь.

– На пастбище ты говорила иначе, – упрямо повторил Последыш, не теряя надежды, – мы можем...

– Здесь не пастбище, – снова прервала его девушка, и улыбнулась, – но я могу рассказать тебе, о чем мне говорили Матери, если отведешь меня к кустам можжевельника. Там сейчас никого не должно быть.

И, не веря собственной удаче, юноша кивнул и оглянулся по сторонам.

Глава вторая

– У этих людей ничего нет, Скел, – Гвеч выговаривал слова тягуче, словно наречие Калкид не было для него родным. Само имя его родилось от слова «мокрая земля», нечто, что засасывает, – зачем оставаться здесь?

– Мы плыли сюда не для того, чтобы взять несколько камней у жителей Далекой Земли, – Скел посмотрел на него, но Гвеч не отвел взгляда, – мы говорили об этом с тобой и со старшими. Эта земля велика. И у людей здесь много, и воды, и дичи. Все то, чего не хватает детям Калкид. И они не злы к чужим, как те, с острова Сосен. Мы найдем здесь место для тех, кто покинет Укрывище.

– Их немного, – все так же тягуче ответил Гвеч, – и у них даже нет топоров, мы могли бы перебить их в первую же ночь.

Скел обвел взглядом остальных. Гребцы лежали или сидели на шкурах на берегу, море шумело за их спинами. Некоторые успели прикрыться – лен и шерсть быстро разрушались от влаги, потому для передвижения морем выбирали грубо выделанную кожу – но были и те, кто по-прежнему оставался голым. Люди, боровшиеся с морем днями, теряли представления о стыдливости, принятые на земле, и не сразу понимали, что в большинстве селений нагота не принята. Тут и там рядом с ними лежали топоры – гладко оструганные палки, в которых поблескивали обсидиановые лезвия. Слишком короткие и ломкие, чтобы срубить дерево, но способные перебить шею человеку.

– Мы должны узнать больше об этих людях и их земле, – наконец сказал Скел, ни к кому в отдельности не обращаясь, – помните прошлые два селения? Их ничто не ограждало. Они не строят стен, как построили мы, или люди с острова Сосен или... – тут он запнулся, – те, на Большой земле. Но есть ли такие селения дальше от моря? Искусны ли их жители с копьем и пращей? Найдем ли мы тут место? Говорю – кому-то надо пойти в их селище и поесть рядом с ними.

– Пойдем все, – предложил Харак, его длинные руки были словно перетянуты сетью вздувшихся от гребли жил и сухожилий, просверленная пластинка блестела перламутром на смуглой груди, – их там, кажется, немного. Мы можем забрать, что нам понравится.

– Мы ели их пищу, – возразил сидевший за ним мужчина, – они встретили нас как гостей. Мавар не захочет крови таких людей.

– Мы далеко от земли Мавара, – снова подал голос Гвеч, – а на земле за морем другие законы.

Скел нахмурился и уже собирался что-то ответить, когда вдруг лежавший на шкуре мужчина выпрямился и протянул руку:

– Сюда кто-то идет!

Повернувшись вместе со всеми, Скел увидел женщину, осторожно ступавшую по берегу на расстоянии полета камня из пращи от них. Она приближалась к их на скорую руку устроенному лагерю с явной опаской, держа что-то в руках. Сделав еще несколько шагов, она остановилась.

– Шакри, ты утром говорил с этой женщиной? – спросил Скел, и приземистый, широкоплечий мужчина с песком в волосах только пожал плечами.

– Наверное, да. Они все похожи друг на друга.

Скел задумчиво посмотрел на неё. Державшая что-то в руках женщина, казалось, стоит в нерешительности.

– Я подойду к ней. Мы придем в их селение, и поедем с ними за очагом. Иначе нельзя понять эту землю.

Женщина сначала испугалась, как он и ожидал, но, в итоге, до неё удалось донести мысль – люди Калкид хотят прийти в селение и разделить еду с местными. Хотя Скел держал в памяти необходимость дать что-то, чтобы завоевать доверие, он так же ясно понимал, что ценного у них осталось очень мало. Не топоры же раздавать этим людям, в самом деле – те самые, которыми Гвеч и Харак предлагают перерубать их же шеи.

В селение людей Далекой Земли он отправился вместе с Шаكري и Хараком. С собой они захватили несколько кусочков острого камня, лезвие сломавшегося топора, красный как кровь самоцвет с Большой земли, который, кажется, нравился местным, и пару подвесок из белой породы, что иногда приносили с других островов. Кроме того, в мешочке Скеда была медная иголка, но отдавать её людям Далекой Земли он собирался только в самом крайнем случае.

Когда Скел впервые увидел селение на Далекой земле, оно его удивило, хотя сейчас, останавливаясь уже у третьего, успел привыкнуть. Поселки не были никак укреплены, ни стены, ни даже земляной насыпи – просто жилища. И жилища, не стоявшие на основе из больших ровных камней, а ушедшие глубоко в землю, так, что на поверхности торчали только подровненные ветки и крытая ими же крыша. Лишь узкие проемы ниже колена пропускали в них свет. Почему местные жители так жмутся к земле, вновь и вновь спрашивал он себя. Может, это какая-то другая порода людей, связанных с черными подземными духами? Или они просто не умеют обращаться с камнем? И почему они даже не пытаются укрепить поселение?

Утопленные в земле жилища размещались полукругом, и было их всего шесть. Посредине же, как и в других поселках, располагалась разровненная площадка с деревянными колодами, на одной из которых стояла небольшая статуэтка, изображавшая сидящую беременную женщину. Скел невольно оскалился, увидев безликий женский торс – слишком, слишком уж похоже на Кумши Дагра, вечного врага Мавара, покровительницу людей-за-стеной. Неужели и здесь она?

Между тем, селение не было пустынным – из проемов, открывавших спуск в подземные жилища, выползали люди, другие выходили из-за пологого пригорка. Он невольно напрягся, высматривая среди них вооруженных мужчин, но увидел, в основном, женщин и подростков. Впрочем, как и говорили старшие, жители Далекой земли не воинственны. Почти ни у кого не было оружия, лишь один юноша нес что-то, напоминавшее деревянную палицу.

Они остановились, и Скел громко сказал:

– Я хочу говорить со старшим в вашем роде!

Он понимал, что его речь невнятна для местных, но знал и то, что жесты и выражение лица могут сказать людям достаточно. И, подчеркивая свою мысль, мужчина медленно поднял руку, в которой не было топора.

Скел заметил, как переглянулись обитатели селения, и как вышли вперед две немолодые женщины. Они что-то начали говорить, обращаясь к нему, но, сколько Скел не вслушивался, он не мог различить ни одного из знакомых ему слов на их наречии. Тогда он запустил руку в кожаный мешочек и вытащил то, что первое подвернулось под руку. Мрамор тускло отсвечивал, свет сегодня не был ярким, но Скел увидел, как глаза местных остановились на фигурке.

– Вам, – произнес он на языке Далекой земли, по крайней мере, он думал, что у этого слова такое значение. И, чтобы подчеркнуть свои слова, наклонился и положил фигурку на землю.

Некоторое время ничего не происходило, потом одна из женщин с опаской подошла к фигурке, и, поддержав рукой льняной подол своей накидки, протянула к ней руку. Скел ясно видел, что второй рукой она при этом коснулась висящей на груди подвески в форме женского торса.

«Они тоже нас опасаются», – подумал он.

Это была фигурка, привезенная отцами с закатных островов, не то найденная, не то отобранная у местных жителей. Изображала она сидящую женщину с широкими бедрами и странным убором на голове. Они долго спорили, брать ли её в плаванье, и не принесет ли чужой женский дух неудачу в море, в итоге решили ткнуть статуэтку ножом и омочить в море – крови Мавара. Это должно было сделать её неопасной.

Но Мехви все равно тяжело заболел в плаванье. Что ж, тогда пусть её возьмут эти чужаки.

Женщина, внимательно осмотрев подарок, подняла глаза, и, кивнув, произнесла несколько слов на языке Далекой Земли. Скел ничего не понял, но по выражению её лица догадался – дар принят. Теперь осталось дожидаться того, что последует за ним.

Оказывается, у людей Далекой земли тоже был обычай устраивать пиры. Тени успели удлиниться, Скел и товарищи сидели на площадке плечом к плечу, напротив них расположились местные, и худенькая девушка с чуть косящими глазами обходила всех, по очереди предлагая угощения.

– Такое мясо привозили старшие с Большой земли, – сказал Шакри, державший на коротком ноже волокнистый ломоть, – это олень. Они живут и на острове Сосен.

– Наверное, на Далекой земле их много, иначе бы нам его не дали, – отозвался Скел, и кивнул проходившей мимо девушке, – они и в первый день дали нам такое мясо, помнишь? И еще ягоды.

– Это можжевельник, он тоже растет на Большой Земле, – отозвался Харак, – я пробовал, когда был там.

– Похоже, этим людям неизвестен голод, – проговорил Шакри с набитым ртом, – и у них больше мяса, чем рыбы.

– Но мы все еще не нашли ни острого камня, ни меди, – пробормотал Скел, и разломил в руках ноздреватую пшеничную лепешку.

Люди ели, запивая съеденное водой из окрашенных красным и белым широких сосудов, и негромко переговаривались, пока худенькая девушка не обошла всех в четвертый раз, после чего села. Поднялись высокая, полная женщина и, рядом с ней, долговязый, чуть согбанный мужчина средних лет. Он высоко поднял палку, и Скел напрягся, ожидая коварства, даже потянулся в сторону топора – но мужчина с палкой, на которой блестела каменная насадка, начал нараспев произносить какие-то слова, женщина вторила ему, и местные жители, не вставая с мест, повторяли вслед за ними, иногда негромко прихлопывая.

– Они зовут на помощь своих духов-защитников, – встревожено сказал Шакри, следя глазами за мужчиной с палкой, – ты не думаешь, что они потом выпустят нашу кровь?

– Это просто обращение к их Прародителю, – ответил Скел вполголоса, заинтересованно наблюдая за певшими островитянами, – я такое уже видел в первом селении. Люди Дальней Земли не любят крови.

Пение продолжалось. Женщина средних лет засунула руку в кожаный мешочек, висевший на её поясе, и вытащила оттуда что-то небольшое, темного цвета. Не прекращая повторять какие-то слова, она пошла по кругу, начав обход с местных. Протягивая их зажатый в руке камешек, она ожидала, пока человек его коснется, потом касалась его головы, если это был мужчина, или груди – если женщина, и шла дальше.

– Что нам делать, когда она подойдет к нам? – спросил юноша, – можем ли мы коснуться изображения их Прародителя? Не разгневет ли это Мавара?

Скел уже раскрыл рот, чтобы ответить, когда сидевшая слева от них женщина вдруг издала тихое восклицание. Все повернулись в её сторону, сначала с осуждающим видом, но она смотрела вверх на пригорок, и все взгляды устремились туда. С покрытого деревьями низ-

кого холма сходили три человека – грузная немолодая женщина, худой, жилистый юноша и девушка, чуть полноватая, закутанная в светло-серую ткань от груди до бедер. Даже со своего места Скел мог видеть, что юноша беспокойно озирается по сторонам, а женщина не сводит с него гневного взгляда.

Пение прекратилось. Мужчина с палкой в руке повернулся в сторону вновь прибывших, так и не опустив правую руку. Когда они, наконец, подошли совсем близко, Скел догадался, что юноша, а может, и девушка, чем-то прогневали сородичей. Немолодой мужчина заговорил с ними, Скел не разбирал слов, но довольно ясно понимал настроение. Юноша сказал что-то в ответ, но без особой уверенности, подняв свои глаза на старейшину, и тут же их опустил. Зато девушка не потупила взор, напротив, прямо глядя в глаза окружающих, она резко и отрывисто выкрикнула несколько фраз, потом прижала руки к груди и еще что-то сказала, потом затрясла головой.

– Она хочет сказать, что не виновата, – проговорил сбоку Шакри, как и Скел, наблюдавший за происходящим, – их поймали на чем-то плохом.

Скел хотел ответить, но тут юноша, резко повернувшись в сторону девушки, выкрикнул какое-то слово, и набалдашник палки ударил его в щеку. Он не коснулся рукой ушиба, хотя в месте удара проступила кровь, лишь угрюмо посмотрел на мужчину. Тот, еще раз повернувшись к девушке, задал ей какой-то вопрос, потом опять обратил взгляд на юнца.

Жители поселка, кажется, забыли про Скела и людей Калкид, полностью увлеченные зрелищем. Юноша выглядел одновременно пристыженным и разгневанным, но не слишком испуганным, и Скел подумал, что, видимо, ничего страшного ему не грозит. Женщина, подхватившая первой пение, взяла девушку за плечо и потянула в сторону. Вторая, пришедшая с молодой парой, встала рядом со старейшиной и коснулась его руки. Тот поднял свой жезл, готовясь что-то сказать. И тогда это случилось.

Скелу вдруг показалось, что он опять на плоту в открытом море. Земля потеряла твердость, и подалась вперед, так что он, не думая, выбросил руку, упираясь. Крик пронесся среди сидевших жителей поселка, и несколько человек вскочили на ноги. А земля содрогалась снова и снова, и сначала один, потом другой упали на землю. Скел видел девушку, вцепившуюся в землю с выражением ужаса на лице, видел мужчину с жезлом – он шатался, словно получил камнем по голове, его рот был открыт, глаза выпучены. Помнил треск позади, и снова крики. Но что осталось в памяти больше всего – вода в широком глиняном сосуде, стоявшем перед ним. По ней шла крупная рябь, словно чьи-то невидимые губы изо всех сил дули на поверхность, она дрожала и колыхалась, едва не выплескиваясь через край.

Все закончилось так же неожиданно, как началось. Внезапно Скел осознал, что земля опять обрела твердость, и крики смолкли. Подняв голову, он столкнулся взглядом с широко раскрытыми глазами приведенного юнца. Кажется, он хотел что-то сказать, но, несколько раз открыв и закрыв рот, вдруг рванулся в сторону росших у пригорка деревьев. Мужчина с жезлом в руке посмотрел ему вслед и яростно закричал.

Глава третья

Он, как и все в Домах, знал, что Черная Матерь иногда гневается. Сказания о её гневе, от которого трясется земля, передавались в их роду издавна. И, когда однажды он отошел от родного селения так далеко, как еще никогда не отходил – больше чем на день непрерывного пути – наткнулся на место, где жили древние. Вернее, кучи камней, которые от него остались. Древние строили дома, уходившие вверх, а не в землю, и гнев Черной Матери заставил стены и кровлю рухнуть на головы обитателям. Последыш, как и все в роду, знал, что такое бывало... но даже в самом страшном сне не представлял, что гнев земли вызовет он сам.

Хромая, с лукавой улыбкой, позволила довести себя до можжевельника, и первая протянула ему руку, когда он, дрожа от предвкушения, повернулся к ней. Она вытащила кожаную застежку, позволив грубой материи освободить смуглую грудь, которой он коснулся так же бережно, как в первый раз мужского оберега... и он уже стаскивал с себя пояс, державший плетеную накидку, когда Хромая вдруг завизжала и ударила его. Несильно, но он, потрясенный, отдернулся, не понимая, что происходит. Девушка шарахнулась в сторону, материя окончательно упала с её тела, но она подхватила её и выкрикнула клич, которым в Домах зовут на помощь.

И громкий ответ справа показал ему, что они не одни. Кто же знал, что Остроглазая решит в тот день проверить, поспели ли уже можжевеловые ягоды, и оправдает свое имя. И что Хромая заметит её раньше, и закричит, что на неё напали.

То, что она сделала, было нечестно, но не очень удивительно. Когда Остроглазая подбежала к ним, Хромая уже успела прикрыться своей накидкой, и, поминая Черную Матерь, вопила, что Последыш напал на неё и хотел взять силой. Растерянный, он почти не пытался оправдаться, слушая крики её и Остроглазой.

Наверное, ему стоило ожидать этого. Женщины, которые по желанию Черной Матери должны быть отданы в другие Дома, неприкосновенны. Тем более до обряда крови. Юноши из Домов Черной Матери не должны даже касаться их, тем более позволять большее. Конечно, молодым часто горячит кровь безглазый Сим, дух, что живет в их обточенных камешках, смотрит их глазами и заставляет плоть твердеть, а сердце яростно биться – но, когда молодые предаются запретным утехам, то делают это втайне. А их поймали. И все, что Хромой оставалось – кричать, что она этого не хотела, а Последыш напал на неё. И почему, собственно, он рассчитывал на что-то иное? Но все равно было горько.

Впрочем, он не испытывал большого страха. В Домах, обычно, не применялись суровые наказания. Его могли побить палкой старейшины, заставить выцедить немного крови на землю и отлучить на время от общих трапез. В общем, ничего страшного. Но, когда он, взбешенный словами старого Кедр, яростно огрызнулся в ответ, земля начала колебаться. И холодный ужас заполнил его жилы, заставив сначала замереть, а потом опрометью метнуться прочь.

И вот Последыш, дрожа, затаился в зарослях можжевельника – не тех, в которых все началось, можжевельник тут рос повсюду – и, вслушиваясь в окружающие его звуки, ощущал, как рушится привычная жизнь. Черная Матерь, что дала жизнь им всем, проявила свой гнев слишком ясно – как раз в ответ на его слова. Такого не простят, даже если в этот раз все жилища остались целы. Теперь он здесь, исцарапанный и уставший после бега, а дороги назад нет. Как нет её и вперед. На расстоянии двух дней пути от Домов расположены два поселения – но в одно из них именно и должны отдать Хромую и её сестер, так что надеяться найти там пристанище не стоит. А второе – сумеет ли он сейчас его отыскать? И примут ли его местные? А если они тоже почувствовали гнев Черной Матери?

Ничего не придумав, но не слыша вокруг никаких подозрительных звуков, он медленно двинулся между кустами по направлению к ручью. С неба падали вечерние лучи, жара шла на спад, но во рту страшно пересохло. Просто подойти к воде и напиться, а потом... С такими мыслями Последыш вышел на узкий просвет, где открывалась полоска травы и прозрачная лента воды – и увидел её. Вздрыгнул, готовясь бежать, но в следующий миг замер в растерянности. Женщина, тоже увидевшая его, не убежала, не дернулась, просто молчала, уставившись на него в упор.

– Мать..., – пробормотал он.

Это была она. Дети в Домах Черной Матери, после того, как начали твердо держаться на ногах, растут вместе – едят на общих трапезах, учатся всему нужному у старших. Но ту, что выпустила их в мир, кормила и нянчила, помнят все равно. И теперь он смотрел на неё, стоявшую у ручья, а она смотрела на него.

– Я знала, что ты придешь сюда, – сказала Тихая чуть хрипловатым голосом, как говорила всегда после той болезни, – ты любил играть здесь еще ребенком. Они думали, ты бежишь к домам за лесом, и ищут тебя на тропах и под кустами.

– Меня ищут? – глуповато переспросил юноша, и, хотя это не было неожиданностью, почувствовал, что сердце его упало.

– Старый Кедр велел юным пройти дальше по лесу. Они взяли копья. Если найдут тебя, то убьют.

Он молча смотрел на неё, не в силах сложить её слова воедино. Смерть была исключительным наказанием в Домах, на его памяти так не наказывали никого.

– Я же ничего..., – заговорил он вдруг севшим голосом, но Тихая потрясла головой, её стянутые тремя веревочками пряди закачались.

– Они увидели её образ, – сказала она, и её глаза расширились, – он упал с подставки, и на него сверху упала деревянная балка. Черная Матерь в гневе, и вызвал его ты.

В конце её голос сорвался, и она прикоснулась рукой к висевшему на шее оберегу – выточенный из темного камня, без рук, без ног, торс прародительницы.

Юноша молчал, не зная, что сказать.

– Тебе нужно бежать, – проговорила она быстро, – здесь тебе больше нет жизни. И в домах за лесом – тоже. Они все узнают. Может, и от Хромой.

– Но я..., – пробормотал он, но она его прервала.

– Если долго идти по берегу, будет речка, потом еще одна, сейчас наверно сухая, потом каменная гряда. Поверни у гряды и иди через рощу, пока не придешь к берегу ручья. Поверни по течению – и ты выйдешь на земли людей из дальних домов. Они не роднятся с Домами Черной Матери, и, может быть, тебя примут.

– Мать..., – тихо проговорил он, но Тихая опять мотнула головой.

– Тебе надо идти. Здесь может кто-то появиться. Иди!

И он попятился, но она ухватила его рукой, и, поколебавшись, протянула ему руку.

– Возьми это и повесь на шею. Это мужской знак, он сохранит тебя и сейчас.

И юноша почувствовал, как в его руку скользнул гладкий камешек, нагретый о тело той, что когда-то дала ему жизнь.

Горячие лучи уже падали с неба искоса, образуя дрожащий ореол вокруг торчавших из моря камней, ушедших в воду на две трети во время прилива. Он повернулся на своем неудобном ложе из опавших веток и усеянной ракушками и мелкими камешками земли. Ищут ли его все еще? Или уже прекратили? Ведь сейчас время вечерней трапезы – той, которую едят сообща, на площадке перед хижинами, вознося Черной Матери и духам растений благодар-

ность за еду и покой. Неужели жажда крови охватила сородичей настолько сильно, что они решили её пропустить?

Здесь его почти не было видно – с одной стороны закрывала круча, с другой густые заросли. Лишь с берега это место можно было разглядеть – но кто сейчас ходит по берегу? Скоро горячее пламя в небе утонет у края моря, и тогда лес окутает темнота. Воспользоваться ли ей, чтобы уйти как можно дальше? Но можно ли идти в темноте? На Земле, во всяком случае, этой её части, не водилось опасных животных, но люди все равно жались друг к другу ночами, плотно задвигая заслонки на входах в хижины. Сын Ночи, тот, чье имя было никому неизвестно, приходил из холодных морских далей и вместе с ним – вся стая его духов, черных и слепых. Они приносили страшные сны и болезни, гибель посевов и неудачи на охоте. В Домах освященные статуэтки и обереги отгоняли гостей из черноты, но кто защитит его сейчас?

И юноша лежал, вжавшись в землю, и ощущая, как страх ползет по его коже, словно целая пригоршня муравьев. «Скоро стемнеет», – вновь и вновь звучало у него в голове.

Темнота пришла быстрее, чем он ожидал – или просто в скованном страхом разуме чувство времени было утеряно. Красное пламя стремительно угасало у края воды, и тени протянулись поперек берега и от деревьев. Последыш, конечно, понимал, что так его точно не должен никто увидеть, но это не успокаивало – черные слепые пятна ползли по земле, точно намереваясь утянуть его с собой, в непроглядную глубь. Стараясь сдержать страх, он дышал размеренно, и крепко сжимал левой рукой последний подарок матери – известняковый оберег, отображавший силу, что безглазый Сим дает мужчинам с детства. Если Черная Мать теперь на него разгневалась, то сможет ли защитить он? И когда Сын Ночи явится со стороны моря, увидит ли он его и идущих за ним слепых духов?

Но услышал он их раньше, чем увидел.

Глава четвертая

– Напрасно ты не захотел отдать его тело воде, Скел, – Харак, наконец прикрывший бедра кожаной повязкой, осторожно поднялся, но Скел продолжал сидеть на корточках около покойника.

– Мехви умер на земле, не на воде, – проговорил он в ответ, и убрал волосы, прилипшие ко лбу мертвеца, – значит, он принадлежит Далекой земле. Мы прикроем его песком и, уже в море, отдадим жертву крови, чтобы он не был гневен. Пусть дух Мехви упокоится тут.

– Чем же нам рыть песок? И примет ли его дух земля, которая колебалась? – непонятно, что смущало Харака больше – необходимость вырыть яму голыми руками, или мысль о том, что эта твердь способна трястись.

– Такое бывало и на Калкид, и на Большой земле, – тихо сказал Скел, – я слышал, что говорили старшие у огня. Не на нашей памяти, но бывало. Нет тверди, которую бы не могли сотрясти черные подземные духи.

– Эта земля трясется. Здесь нет острого камня и меди, – Харак по-прежнему стоял, глядя на Скела сверху вниз, – что мы расскажем людям Калкид? Мы не нашли того, за чем нас послали.

– Мы нашли землю, полную дичи и плодов, – возразил Скел, – здесь можно жить. Но мыплыли лишь вдоль её берега, – что там дальше, в глубине? Люди из прибрежных поселений могли бы нам это рассказать, но мы не знаем их языка... а они нам особенно и не доверяют, кажется.

– А сейчас еще будут думать, что это мы навлекли на них гнев подземных духов, – мрачно сказал Харак, – напрасно мы отошли так далеко от наших.

– Ничего они нам не сделают. Вон там, кажется, кусты. Пойди, посмотри, нет ли там палок, разгребать песок.

И Харак, пожав плечами, двинулся к стоявшим за прибрежной кромкой высоким кустам, придерживая захваченный кожаной петлей топорик. Его силуэт был уже почти неразличим рядом с темными пятнами подлеска, когда он вдруг громко вскрикнул:

– Скел! Здесь кто-то есть!

Вскакивая на ноги, Скел с опозданием понял, что не захватил с собой ни ножа с обсидиановым лезвием, ни даже дротика. Кто бы там ни был, рассчитывать приходилось теперь только на голые руки – и топорик Харака.

Между тем из кустов раздался треск и шум, словно человек или крупный зверь яростно пробирался через них, и, спешащий по помощь Хараку, Скел увидел вырвавшуюся на берег тень. Не задумываясь, он рванулся вперед. Увидевший его человек, если это был человек, резко повернулся, споткнувшись на бегу, и тех мгновений, пока он восстанавливал равновесие, Скелу хватило, чтобы приблизиться. Юноша – теперь он видел, что это был юноша – снова бросился бежать, но в несколько прыжков Скел нагнал его и толкнул плечом, повалив на землю – и сам упал рядом, выбросив руку, чтобы не дать чужаку возможности приподняться. Юноша, и правда, рванулся, но Скел, поймал его за плечо, еще раз швырнув оземь. Боковым зрением он увидел приближающуюся к нему фигуру – Харак, наконец выпроставший из петли свой топорик.

– Я держу его, – задыхаясь, бросил он.

Сумерки уже размазали очертания до того, что лицо стоявшего в трех шагах человека виделось нечетко. Скел продолжал сидеть рядом с ним, недалеко от кучи песка и мелких камешков, которыми они собирались прикрыть тело товарища. Юноша с Далекой земли

казался спокойнее – тогда, когда они только поймали чужака, усмирить его было нелегко. Поняв, что противники сильнее и быстрее его, юноша сжался в клубок, следя за ними своими большими зеленоватыми глазами и ожидая удара.

И тогда, вопреки предостерегающему оклику Харака, Скел сел на песок рядом с ним и протянул руки, чтобы показать мирные намерения. Он произнес несколько слов на языке этой земли, которые успел выучить – не слишком заботясь о том, будет ли это иметь какой-то смысл. Наощупь и наугад, он старался успокоить чужака и разговорить его.

– Что ты от него хочешь? – озвучил вопрос Харак, недоуменно наблюдавший за всем происходящим. Свой короткий топорик он по-прежнему сжимал в руке, и последние сполохи заката висели каплями на тонком крае лезвия.

– Тихо, – сказал Скел ровным голосом, – или ночные духи унесут нашу удачу.

– В чем тут удача? – Харак смотрел то на сородича, то на чужака, который, кажется, чуть расслабился, поняв, что немедленно его убивать не собираются. Наклонив голову, он вслушивался в слова Скела, – Мехви упокоился. Огонь в небе гаснет, и мы одни на чужой земле. Заканчиваем, и идем к нашим.

– Сейчас закончим, – Скел повернулся, осторожно, стараясь, чтобы движения не были резкими, – мы отдаем духам тело Мехви – и в тот же миг видим его здесь. Ты не понимаешь?

– Ты говоришь, что... – Харак осекся, поняв мысль, и покачал головой, – не может быть. Он не из детей Калкид. Он не носит мужского знака, не проливал кровь в море на жертве Мавару.

– Но он появился, когда мы потеряли одного из наших. И когда мы говорили, что нам нужен кто-то, способный рассказать о Далекой Земле, – проговорил Скел и осторожно протянул руку юноше ладонью вниз, потом повернул в его сторону. Тот настороженно следил за ним.

– Увести его к нам, – продолжил Скел, продолжая тянуть руку в сторону юноши, который напрягся, но не отдернулся, следя за ним глазами. Скел медленно поднялся и кивнул юнцу. Тот тоже осторожно встал на ноги и скосил глаза на кусты в паре десятков шагов.

– Хочет сбежать, – с усмешкой в голосе проговорил Харак, – может, и пусть бежит?

– Отойди в сторону, стань возле тех кустов, – сказал Скел ровным голосом, и показал направление чуть заметным кивком головы, – только медленно. Не пугай его. Мы приведем его в лагерь. И говорю тебе, мы не пожалеем об этом.

Юноша, и сам, видимо, догадавшийся, что сбежать не получится, а убивать его немедленно никто не собирается, сидел рядом, пока Скел засыпал пригоршнями песка тело Мехви. Это заняло немало времени, ведь приходилось работать самому, но, наконец, он поднялся. Закопать как следует не вышло, и все же тело ушедшего покоилось в выемке, кое-как вырытой на берегу и было присыпано тонким слоем песка и мелких камней.

– Прощай, Мехви, – произнес Скел, – Мавар примет кровь за тебя. Он больше не стоит над твоей душой, твоя жизнь принадлежит ночным духом. Уходи вглубь, и не беспокой нас.

Он повернулся, юноша тоже привстал, видя, что к ним приближается Харак.

– Мы... есть... вода... – произнес он на наречии Дальней Земли знакомые ему слова, и кивнул в сторону, откуда они пришли. Потом медленно поднял руку и показал туда.

– Прощай, Мехви, помни нас, и не беспокой нашего сна, – произнес Харак чуть севшим голосом, глядя на нехитрую могилу товарища, и повернулся к Скелу.

– Мне жаль, что мы не можем остаться у тела на ночь, как заведено, – сказал он.

– Мы решили это на совете. Слова, чтобы умиловить дух Мехви, произнесены, а кровь мы отдадим Мавару, когда будем в море. И этот юнец, – он кивнул на чужака, – пойдём с нами.

– Почему ты думаешь, что он пойдет? – спросил Харак.

– Я узнал его, – Скел дернул губой, показывая намек на улыбку, – это тот юноша, которого привели с девушкой в селение, когда земля начала колебаться. Его поймали на чем-то плохом,

и я видел, как он бежал от своих. Они не рады его больше видеть. Понимаешь? Ему некуда идти.

– Этот человек вызвал гнев подземных духов? Заставил дрожать землю? – Харак резко остановился, – его нужно убить! Он навлечет на нас беду!

– Мы не на своей земле, и эти духи чужие нам, – сказал Скел, – он ничего не сделал ни Вздымающему твердь, ни духам черных вод, и через него нам сможет явиться их воля.

– Через него? – недоуменно спросил Харак.

Скел остановился и посмотрел на него, не скрывая раздражения.

– В море нельзя идти тем, кто настолько глуп, что не видит волю Мавара, даже когда она перед глазами. Не помнишь – я говорил, что нам нужен тот, кто расскажет больше о Далекой Земле. О том, что здесь найдут дети Калкид, когда придут, чтобы поселиться. И он появился. Или ты думаешь, это просто так?

Харак посмотрел на юношу, выражение его лица изменилось.

– Он не знает нашего языка, – пробормотал он.

– Научим, – коротко ответил Скел, и еще раз сжал в руке кольцо – свой новый оберег. Подумав, он сунул его в мешочек, и они продолжили путь через все сгущавшуюся темноту по усыпанному камнями берегу.

Их второпях разбитый лагерь и лагерьем можно было назвать только очень условно. Кое-где были растянуты полотна кожи, покрытой белесым соляным налетом, кострище посередине, вытащенные с плота камни для жарки рыбы – и, собственно, все.

В кострище и сейчас тлел огонек, слабо освещая потемки, над овидом поднимался белый полукруг, и россыпь огней уже просвечивала сквозь темную, тяжелую воду вечернего неба.

Когда до лагеря оставалось не больше пары десятков шагов, юноша вдруг замер, дернулся, и Харак настороженно повернулся к нему. Он так и не повесил топор в петлю на поясе, сжимая его в руке. Скел протянул руку, что-то сказал на местном наречии, потом указал на челюсти и сделал жевательное движение. Он развел руки, показывая собравшихся людей, и улыбнулся – впервые за все время, что пробыл на этом берегу. Даже в потемках, он мог увидеть, почувствовать страх этого юнца. Хмыкнув, сунул руку в мешочек, который носит на поясе с тех пор как ходил в селище, и перебрал руками то, что там было. Выудил что-то мелкое и протянул пленнику, и тут сообразил, что это медная проколка. Ценная вещь, и, когда юноша протянул руку, Скел, чуть не отдернул свою. Сдержавшись в последний миг, он пожал плечами. Какая разница, что возьмет юнец сейчас. Когда они отойдут в море, его кровь будет принадлежать Мавару.

– Подбросьте дров в огонь, – крикнул он, – и, если есть еще рыба, давайте её сюда. Ночные духи дали нам добычу.

Глава пятая

Последыш сам не понимал, как оказался у костра людей из-за моря. Когда он увидел в сумерках две фигуры, несшие тело, страшные мысли пронеслись в голове. Духи ли это, что послушны невидимому Сыну Ночи? Кого они лишили жизни и принесли с собой? Страх помешал ему сбежать, потом, когда один из них направился в его сторону – он попытался, но его повалили на землю... и он понял, что это не ночные духи, а просто люди. Но не люди его Земли.

А потом он сидел и слушал, как один из них, глядя на него в упор своими бездонными глазами, что-то медленно говорит на своем невнятном наречии. Время от времени он вставлял в речь слова из языка Земли – «люди, вода, сосуд, хотите». Несмотря на полную сумятицу в мыслях, Последыш ощущал, что чужак пытается ему что-то сказать и смотрел прямо в его лицо. Не забывая, впрочем, что за спиной стоит второй человек, у которого в руке не то палка, не то еще хуже.

Чужак из-за моря, который на вид был старше его на несколько лет, в общем, не так уж и отличался от жителей Земли. Его кожа была чуть темнее и грубее на вид, словно шероховатый, обточенный ветром камень на берегу, он был на пол-головы выше, бугристые мышцы рук, на которых темнели вены. Лицо было таким же – скуластым, угловатым, с почти черными, чуть слезящимися глазами под воспаленными веками. И, даже в полутьме, Юноша увидел фигурку на жильной нити, висевшую на груди пришлеца – белый, вытянутый знак, похожий на признак мужчины. Но это, кажется, был единственный оберег чужака.

Между тем, тот продолжал медленно говорить на своем наречии, и звучание непонятных слов явно показывало – он не хочет ему зла, или, по крайней мере, не угрожает.

– Последыш, – сказал он, ткнув себя в грудь, – кто вы?

Мужчина покачал головой, что-то произнес и указал на темное пятно в стороне. Юноша и забыл тело, которое они принесли с собой, и странное предчувствие, как костяное шило, вновь ткнулось где-то внутри. Но потом перед глазами встал день прибытия чужих – вот они сходят на берег, вот несут одного из своих.

«Он все-таки умер», – подумал юноша, и, кивнув, сказал:

– Хорошо.

Когда он прятался в зарослях, понимая, что пути назад, в Дома Черной Матери, для него нет, ему казалось, что мир перевернулся, и уже не может быть более странным и враждебным. Но теперь Последыш сидел на корточках и смотрел, как рядом с ним один чужак, прибывший из страны за Большой водой, засыпает песком тело другого – и его не покидало чувство, что это странное ночное видение, из тех, что иногда приходили, делая ночь мучительной – но рассеивались, когда огонь разгорался за морем.

Но сейчас проснуться не получалось. Когда тело погибшего было, наконец, покрыто тонким слоем песка и камешков, мужчина поднялся и произнес несколько непонятных слов. После чего повернулся к Последышу, и сказал на языке Земли:

– Мы... Есть... вода...

Потом махнул рукой. И вот Последыш уже сам не заметил, как шел в потемках по берегу, и вели его два пришлеца с далекой земли, о которой он не знал ничего, кроме странных побасенок.

Когда они дошли до лагеря чужаков, свет почти погас в небе – лишь тонкая полоска у кромки воды и рассеянный белесый свет с неба делали темень не совсем непроглядной. А еще рдеющий отсвет углей кострища, вокруг которого сидели люди. И Последыш увидел, как

все лица повернулись к нему. Страх вновь пронзил его до глубины, и он дернулся в сторону, но вспомнил, что за его спиной – второй чужак. И, как он успел убедиться, бегали эти люди быстрее, чем он.

Тот, кто его вел, остановился, и начал что-то втолковывать жестами и непонятными словами, то указывая на огонь, то на свои челюсти. Потом он опустил руку в кожаный мешочек, прикрепленный к поясу, и, достав что-то оттуда, протянул Последышу. Осторожно взяв в руки дар, Юноша почувствовал легкий холодок, и увидел странный предмет – проколка, но не костяная и не каменная, а сделанная из какого-то гладкого бурого материала, она тускло отсвечивала в рассеянном свете.

Подняв взгляд на чужака, Последыш увидел, как тот сделал взмах рукой и указал на костер. Потом он что-то крикнул на своем языке.

Он потом лишь смутно помнил, как ел запеченную на углях рыбу, запивая водой из большого кувшина, и глаза блестели вокруг в темноте, словно стая духов Сына Ночи окружила его и не хотела выпускать. Хотя нет, ведь духи, которые следуют за Сыном Ночи, безглазы... Потом он просто лег на песок, усталый и растерянный. Никто не пытался его беспокоить, и Последыш лежал, чувствуя, как кружатся в голове обрывки мыслей и воспоминаний этого судьбоносного дня – наконец, усталость взяла свое, и он забылся тяжелым, беспокойным сном.

Утром его разбудили голоса и желание освободить свое тело от лишней влаги. Резко выпрямившись, Последыш увидел, что чужаки уже на ногах и снуют вокруг, занятые не совсем понятной работой. Страх опять охватил юношу, когда вчерашний день встал в памяти, и он понял, где и с кем. Обернувшись вокруг себя, Последыш увидел, как пара человек тут же дернулись в его сторону, и понял, что сбежать незаметно не выйдет. Даже если бы ему было куда бежать.

Медленно поднявшись, он показал на небольшую песчаную насыпь невдалеке от лагеря. Но, вслед за ним, к насыпи двинулся один из чужаков, узкий и жилистый, державший в руке тонкий дротик. Он так и стоял, в десятке шагов от него, пока Последыш не закончил свое дело, и не одернул ткань на поясе.

Они не дадут ему уйти, понял он. По какой-то причине, гости из-за моря решили держать его при себе.

Подходя к месту своего ночлега, он увидел, что лагеря больше нет – только пара кострищ да следы на песке. Все было убрано, и несколько человек возились у плотов, связанных из каких-то стеблей, подкладывая палки под днища. Замерев на месте, он смотрел на суету, не понимая, как ему к этому относиться и что теперь предпринять.

– Гэ! – услышал он выкрик по правую руку от себя, и, повернувшись на голос, увидел мужчину с топором в руке. Увидел и вспомнил его – тот самый, который говорил с ним тогда на берегу, и потом привел в лагерь. И угостил печеной рыбой, и указал где спать. Смутно ощутив, что перед ним главный Последыш поднял на него глаза и развел руками – и мужчина рукой, в которой сжимал топор, указал на плот.

Нельзя бояться слишком долго, понял он. Рано или поздно все равно придется что-то делать. И юноша, подчиняясь взмахам рук и выкрикам, начал помогать людям из-за моря стлавить плоты в воду. Эти сооружения были совсем не похожи на долбленки жителей Земли, в которых ему уже приходилось сидеть несколько раз. Больше напоминавшие связки каких-то странных стеблей, сжатых веревками, со странно выгибающимися носами, они казались неуклюжими и непрочными.

«Неужели в море можно плыть на таком», – мелькнула в голове мысль, пока Последыш вытягивал камешек из песка. Но странные сооружения оказались удобными для передвижения – тут и там из корпусов торчали крепкие ветви, за которые можно было удобно браться, и вскоре вода лизнула загнутый нос плота, что он помогал толкать.

– Га-ми! – услышал он выкрик за спиной, и кто-то ткнул его под ребро, повернувшись, он увидел мужчину, который взял его за плечо и подтолкнул вперед, – Хе-о!

И Последыш поднял ногу и шагнул на плот, переступив тонкий прут, поднимавшийся над водой. Его ноги, обутые в кожу, скользнули по тугим, разбухшим стеблям, и он с трудом сохранил равновесие. Следующий толчок в спину показал ему направление, и юноша осторожно ступил прочь от плота, а спокойная утренняя волна уже тихо шелестела вокруг всего сооружения.

Посредине плота располагалось пространство, обмазанное затвердевшей глиной, с двумя большими, плоскими камнями посередине, покрытое тонким слоем золы. Рядом – большая плетенка и пара связок хвороста. Он растеряно обернулся, видя как мужчины, один за другим, поднимаются на плавучее сооружение, вода доходила уже до колен тем, кто продолжал толкать его. И вдруг, не думая о том, что делает, Последыш рванулся в сторону берега. У него не было никакого намерения, только страх, обжигающий страх остаться одному с этими людьми посреди моря. Он оттолкнул бросившегося на него спереди, но в следующий миг крепкая рука ухватила его за волосы, которые он, до обряда, так и не успел обрезать. Не удержав крик, он выгнулся, и вот уже лежал на жестких, качающихся стеблях, а рядом с ним блестело в утреннем свете тонкое острие.

Державший дротик мужчина что-то проговорил, покачивая им на расстоянии ладони от шеи Последыша, и сделал жест, указывая вниз. И юноша смирился. Подобрав колени, он повернулся к берегу.

Последние чужаки, опираясь о тонкую ветвь над водой, залазили на борт. Трое или четверо мужчин держали длинные шесты-весла, погружая их в воду. Они помогали слабому утреннему отливу, который нес плот в море, прочь от всего, что Последыш когда-либо знал и видел в своей жизни. Белесовато-желтый свет разливался со стороны восхода.

Стена

Глава первая

– Лирм и его люди до сих пор не вернулись, – сказала Чажре, черная прядь волос из-под охватывавшей голову жильной нити упала на лоб, она смахнула её рукой, – и ведь море было спокойно все эти дни. Они должны были вернуться уже давно.

– Спокойно, – подтвердил Джар, – Лирм и его люди много раз держали в руках весло, они знают воду... но они не вернулись.

– Вторая с прошлого лета, – тихо сказала Чажре.

Они стояли в паре десятков шагов от стены, утренние тени падали наискосок, застывшие, будто лужи, на сухой, каменистой почве. Чажре оправила сбившуюся на груди ткань, провела рукой по шеё – привычно ощупав фигурку с изображением Невидимой Матери.

Джар бросил на неё быстрый взгляд. В отличие от Чажре, носившей свое неизменное льняное одеяние, его тело прикрывала накидка из козьей шерсти. Он скреплял её на груди костяным оберегом в форме увеличенного человеческого зуба. Согревавшая в холодные ночи, шерсть была неудобна днем, но Джар словно не замечал этого. Узкий, худой, длиннорукий, он выглядел как тот, кем был на самом деле – человек, работавший всю жизнь с медью и камнем, но редко державший в руках весло.

– Ты думаешь, это опять ликшури? – спросил он. Чажре молчала.

– Две луны назад их плот видели у острова Сосен, – вновь сказал мужчина, Чажре посмотрела на него.

– Они часто плавают возле берега, – сказала она, – Невидимая мать изгнала их, и теперь они живут милостью холодных духов Большой воды. Приносят им жертвы и убивают наших людей. И они не оставят нас в покое. Я всегда говорила, не оставят. У нас и так мало земли, а теперь не будет и моря. Если только...

– Мы уже говорили об этом, – ответил Джар так, словно, и правда, уже много раз произносил это, – мы не знаем, где их земля. Они приходят из-за моря, и уходят туда же.

– Её можно найти, – сказала Чажре, – и нужно найти.

Оба замолчали на некоторое время.

– Люди не понимают таких слов от Матери, – первым заговорил Джар, уголки его рта опустились вниз, словно он был расстроен, – или, может быть, понимают. Понимают, почему их говоришь ты.

– Неважно, что болтают люди у меня за спиной, – эти слова Чажре проговорила резко и зло, – неважно, что было много лет назад. Важно, что мои слова – правда. Мы должны избавиться от ликшури. Этого хочет Невидимая Мать, этого хотят жены тех, что не вернулись из моря. Да и ты сам – у тебя много острого камня? Белой породы? Наша земля не дает их. Где нам их взять, как не на островах?

– Мы могли бы уйти вглубь земли, к горам, – сказал мужчина, – ты знаешь, кто так говорит...

– Уйти от Большой воды? Бросить огражденные стеной жилища и освященные поля? Просить людей, которые молятся Женщине-с-леопардом нас не трогать? Джар, наша земля – здесь. Все, что нам дала Невидимая мать – здесь!

Джар оставил её слова без ответа, переведя взгляд в сторону моря.

Чажре опять провела рукой по накидке, теперь уже ниже талии, лен туго натянулся на её мощных бедрах.

– У жены Ацири срок подходит совсем скоро, – произнесла она, – вечером мы вознесем молитву, чтобы она освободилась от бремени легко, и у неё был здоровый ребенок. Лучше, пусть это будет мальчик. Девочек у нас достаточно.

Она обернулась, услышав какой-то звук. На стене показался человек, это был юноша, голый по пояс, сейчас он присел на камень и нащупывал ногой деревянную подставку. Сделанная из стволов двух деревьев, она помогала спуститься со стены в её пологом месте.

– Они должны пасти коз, – угрюмо сказала Чажре, – и почему этот еще не на пастбище? Нам мало засухи?

– Думаю, он туда и идет, – ответил Джар и помахал рукой юноше. Тот как раз готовился стать на подставку.

– Приходи завтра к святилищу, Джар, мы еще будем говорить – со всеми. Это продолжается слишком долго, – Чажре подтянула рукой ткань на плече, повернулась и двинулась к темневшей над их головами стене.

Люди называли поселение просто Стеной. Это и понятно, ведь другие селища их языка, разбросанные по побережью, стен не имели – там просто не было достаточно жителей, чтобы управиться с подобной работой. Но Стена была ограждена как надо – сложенная из полуотесанных, местами скрепленных глиной камней, ограда, высотой в два с лишним человеческих роста, прикрывала селение со всех сторон. В одном месте она была ниже – там можно было вскарабкаться, опираясь на неровности в камне, хотя жители Стены использовали деревянную подставку и веревки.

Стена огородила селение очень давно – отцы отцов ныне живущих уже помнили его защищенным, и именно это делало жизнь в нем особенной. По крайней мере, так казалось людям из соседних маленьких селищ, которые приходили к Стене обменять рыбу, зерно, или лесные плоды на то, что могли предложить её жители.

На самом деле, это лишь отчасти было так. Стоявшие на каменной основе, прямоугольные, крытые ветвями жилища, теснились одно к другому, но днем почти всегда пустовали. Духота и тяжелый запах выгоняли людей наружу, где они проводили большую часть дня. Ведь всем было известно, что лучше закончить дела за Стеной – разделать животное, поесть, облегчить чрево – чем тащить внутрь то, что будет вызывать зловоние долгими солнечными днями.

Стена стояла на невысоком пологом холме, откуда открывался спуск к морю. Ровный, на два полета камня из пращи, он круто оканчивался – невысокий обрыв, узкая полоска берега внизу. На расчищенном от гальки участке жители Стены устроили пристань, сюда же вытягивали свои лодки, узкие, длинные, сделанные из цельного ствола или коры. Отсюда они уходили на лов или плавали к другим поселениям побережья, здесь разделявали пойманную рыбу и встречали гостей.

Они не боялись моря – по крайней мере, пока не появились ликшури.

Дом работы встретил Джара полумраком и духотой. Так он обычно его и называл – дом работы, чтобы отличить от дома, где спал и ел. В стенах были проемы, он сам настоял, когда строили, и придумал их так, чтобы свет падал и утром, и днем. И вот сейчас мужчина сидел на деревянной колоде, зажав между ног тяжелый кусок белой породы, и медленно вращал острым камнем-резцом.

Джар никогда не работал на поле, не пас коз, не уходил на охоту. Роды Стены занимались каждый своим делом – и они, дети Хелоба, великого предка, давшего людям умение работать

с камнем и медью, делали то, что было завещано. Он знал это, когда ставил Хелобу миску воды у дверного проема, знал, и когда хоронил отца, приняв оберег старшего.

Сейчас, как обычно, он вытянул костяную иглу, позволил шерстяной накидке упасть на колоду, и сидел совершенно голый. Капли пота блестели на смуглой коже, стекая вниз, но мужчина не замечал этого, вновь и вновь налегая на резец.

Шаги снаружи прозвучали неожиданно, и он увидел, как входной проем закрыла какая-то тень.

– Пусть Хелоб даст силу твоей руке, а Невидимая мать защищает твой сон, – проговорила женский голос, – я хочу говорить с тобой, Джар.

Мужчина поднял голову и увидел, через проем, чуть согнувшись, в комнату вошла женщина. Распрямившись, Джар поискал края шерстяной накидки, взял иглу и снова закрепил их вокруг пояса.

– Пусть Невидимая мать хранит твой сон и твоих детей, – ответил он, – говори, что хотела сказать, Гонаб.

Вошедшая женщина выпрямилась и сейчас оглядывалась по сторонам, её глаза после яркого солнечного не привыкли к полумраку хижины. Она похожа на Чажре, как сестра, в очередной раз подумал мужчина – высока, широка в бедрах, ткань крепко натянулась на полной груди. Волосы, собранные на затылке в узел, держал костяной гребень.

– Ты работаешь, – произнесла она, и это прозвучало едва ли не как обвинение, – у тебя есть камень.

– Пока есть, – коротко ответил Джар.

Он положил резец на камень и встал навстречу Гонаб.

– Значит, есть, – повторила женщина, и обвела взглядом помещение. В доме работы оно было всего одно, на полу стояли готовые кувшины, чаши и куски породы, у стены – подставка из дерева, кувшин с водой, в углу – сосуд, для потребностей тела.

– Ты что-то хотела от меня, Гонаб? – спросил мужчина без тепла в голосе.

– Узнать, много ли ты получил от людей, плававших на острова в прошлый раз, и много ли осталось, – женщину, казалось, не смущала его холодность, или она её не замечала.

– Они дали мне немало, – ответил Джар, – но большая часть уже ушла на работу. Я ждал, что Лирм привезет еще.

– Лирм не вернулся в Стену до сих пор, – сказала Гонаб.

– Знаю.

Они помолчали некоторое время.

– Люди говорят, что жизнь в Стене стала не той, что раньше, – проговорила Гонаб, казалось, тщательно выбирая слова, – у нас постоянно не хватает острого камня, белой породы, меди. И уже вторая ладья, ушедшая к островам, исчезает.

– Лирм и его люди еще могут вернуться.

– Они бы уже вернулись, если бы могли, – сказала Гонаб, к которой, по мере разговора, казалось, приходила уверенность, – ты знаешь, это. Раз они не вернулись – духи моря забрали их. Духи – или те, кто им поклоняется.

– Если их убили, мы ничего не получим, – по лицу мужчины было трудно угадать его чувства, если они вообще были.

– Не получим. Зачем нам терять людей в море, Джар? – Гонаб смотрела на него так, словно хотела сказать что-то большее, чем говорили её слова.

– Народ Невидимой матери живет у моря, что еще нам остается?

– Так было не всегда – Гонаб оправила тугую накидку из льняной ткани, охватывавшую тело, словно собиралась со словами, – я говорила с Хашмой. Все может быть иначе. Людям Стены может найтись другое место.

Глава вторая

Свет падал в Дом Женщин сквозь круглое отверстие, оставленное в крыше, и, сливаясь на полу с лившимся через дверной проем солнцем, наполнял воздух золотисто-бурым свечением. Днем здесь никогда не бывало ни по-настоящему светло, ни по-настоящему темно. Лишь там, где сходились падавшие с невидимого неба лучи, возвышалась статуэтка на подножии из шлифованных камней, и мраморная белизна казалась ослепляющей.

Они стояли в паре шагов от алтаря – три женщины, дородные, закутанные в льняную ткань, на которой отчетливо виднелись черные линии. В одинаковой одежде, с одинаковыми оберегами на груди и обрезанными на высоте плеч, сейчас распущенными, волосами, женщины казались сестрами. И в глазах, которые две из них устремили друг на друга, горела родственная ярость.

– Мы не можем покинуть Стену, – повторила Чадре, её голос звучал глухо и сдавленно, – земля, данная нам Невидимой Матерью – здесь, здесь предки ушли к её подземному дому, здесь духи вспаханного поля дают нам хлеб...

– Наши предки сами пришли сюда из-за гор, – прервала Гонаб, – тебе нужно было слушать старших матерей, Чадре, когда ты была молодой. Нам говорили об этом на вечерах, когда в небе горел Белый Глаз, говорили и когда мы лили ей свою кровь, когда нам выбирали того, кто отдаст нам силу черного камня. Но ты была занята другим, правда? У тебя была перед глазами не Старшая, а тот, кто ждал тебя у скал, кто потом...

– Я слышала столько же, сколько ты! – голос Чадре взлетел вверх, и осекся, и она глубоко вздохнула, – я помню, кто были наши предки. Но сейчас мы здесь, Гонаб. У нас нет другой земли. По ту сторону гор живут люди, поклоняющиеся Женщине-с-Леопардом, они отказались от меня с нами, и не дадут поселиться нигде больше. Говорю, мы должны оставаться здесь.

– Без острого камня, без белой породы, без меди, – тихо проговорила молчавшая до этого времени третья, – людям не с чем работать, я встречалась с ними. Мы не можем получить ничего из-за гор, а на островах – ликшури. Они, наверное, убили людей Лирма, как лето назад убили тех, кто ходил к Длинному острову.

– И будут убивать наших людей и дальше, пока мы не избавимся от них, – лицо Чадре сейчас походило на те деревянные маски, что люди иногда делали на празднества – резкие черты, искривившийся рот и провалы глаз. Лицо застывшей ярости ночных духов.

– Я за то, чтобы идти к горам, – проговорила Гонаб, – эта земля стала скудна. Люди Женщины-с-Леопардом не переходят через вершины, те земли пусты. И охотники говорят, что там много дичи, и найдутся поля для ячменя и ржи. А Большая Вода всегда была враждебна Невидимой Матери.

– Не вода, а лишь те, кто молятся ей, кто отверг ей волю ради холодных духов из глубин, – Чадре снова повысила голос, но третья женщина подняла руку, и она умолкла.

– Мы не решим это сейчас, – тихо, как в первый раз, сказала она, – надо просить Матерь о мудрости, а потом созывать людей. Пусть совет решит.

Чадре посмотрела на неё, потом на Гонаб, лицо последней кривила странная, словно злорадная усмешка.

– Так и сделаем, Хашма, – сказала женщина, – мы начнем молитву, когда Красный глаз исчезнет с неба, и на рассвете будем говорить опять.

Гонаб была права. Люди Стены и других поселений их языка жили на побережье не всегда. И рассказ о том, как они пришли сюда из-за гор, теснимые теми, кто поклонялся Жен-

щине-с-Леопардом, был известен – его повторяли на вечерах, когда Невидимая Матерь смотрела на землю Белым глазом. И свет красил белесым её фигурку, а старшие матери разливали напиток из забродивших ягод, и они пили, а потом пели, повторяя по многу раз одно и то же, пока не начинало казаться, что слова сами рождаются из воздуха.

Чажре приходила туда после первой крови, приходила и тогда, когда уже узнала Холу, который ждал её вечерами у конца поля, где росла вика. Оба помнили, что должны дожидаться слов старших матерей – и оба не ждали, пока Чажре не понесла.

Это еще можно было исправить – и даже получилось, когда мать по плоти, та, что дала ей жизнь, убедила других принять Холу, как мужчину дочери, и, значит, сделать его больше, чем рыбаком. Если бы у них родилась дочь, она могла бы стать новой матерью, когда отойдет Чажре. Родился мальчик.

А затем наступили страшные дни, дни, когда ушедшие в подземный дом рвались наружу, и яростно тряслась земля. И, вслед за гневом Невидимой Матери, пришло смятение.

Чажре никогда не забывала то время – когда всё, во что поколениями верили люди Стены, колебалось вместе с землей, и советы закончились кровью. Не забывали, конечно, и другие – Гонаб вспомнила про них вот только что.

И Чажре, стиснув зубы, подобрала льняной подол и начала осторожно ступать по камням, которые здесь уступами вели наверх стены. Девочкой ей было совсем просто взбегать вверх, но сейчас она уже была не так молода и стройна, как когда-то. К счастью, подниматься невысоко. Став на стене, где та расширялась достаточно, чтобы могли разместиться рядом двое, женщина оглянулась.

Море, нескончаемая сине-зеленая гладь, куда уходили на лов или к далеким островам на мену с их жителями. Люди Стены нередко ели рыбу, но горькая вода оставалась для большинства из них чужой. Рыбаками была лишь небольшая часть их народа, а после раскола таких стало еще меньше. И даже те не всегда возвращались из моря, как не вернулись Лирм и его люди.

По обе руки от неё тянулся берег. Участок, который предки выбрали для строительства Стены, был ровным, но уже на расстоянии полета камня бугрились невысокие скалы, зубьями разрезающие волны, по другую сторону вливался в море широкий, хотя сильно обмелевший сейчас, ручей, питавший их колодцы. Это было хорошее место, и Чажре не представляла жизни в другом месте. Но многие считали иначе.

Когда она, опираясь ногами на зарубки в деревянном подмостке, слезла со стены и огляделась вокруг, сначала не увидела никого. Тишина горячего полудня, полыхавший в небе Красный глаз, и неизбывный шум моря. Чажре даже подумала, что опоздала, но краем глаза увидела движение и повернулась. Там, где невысокие деревья спускались к ручью, были люди. Мужчины, когда-то бы она даже рассмотрела, что они делают, но сейчас её глаза... Впрочем, и так понятно, кто это. И женщина поспешила к ним, подобрала мешавший подол.

Один из трех мужчин заметил её приближение и повернулся, двое других продолжали возиться чуть в стороне, склонившись над чем-то.

– Приветствую, Матерь, – проговорил заметивший её, речь звучала немного шепеляво, – мы готовы уйти на лов, что ты делаешь здесь? Охота – дело мужчин нашего рода.

– Силы твоей руке, Тумуш, – ответила Чажре, чуть запыхавшаяся – сколько мужей Стены уходит на лов в этот раз?

– Я и трое, – ответил Тумуш, кивнув в сторону. Теперь женщина видела, что один мужчина держал в руках длинную, согнутую дугой, палку, а второй наматывал поверх неё тонкую нить, – Легд погубил свой лук, и мы посвятим духам леса его новый.

– А четвертый кто?

– Лежри. Он и его женщина хотят отдать Невидимой Матери то, что принадлежит ей. Мы уйдем, когда тень коснется второго камня и будем идти, пока Белый Глаз не посмотрит сверху. Но что ты хочешь от нас здесь, Чажре?

– Поговорить с тобой. Негоже мешать тем, кто готовит лук к охоте. Давай отойдем, у меня есть для тебя слово.

Мужчина посмотрел на неё, и, кивнув, указал на поваленное деревце в паре десятков шагов от них.

Подойдя к дереву, Тумуш остался стоять, Чажре собралась сесть, но, подумав, тоже осталась на ногах.

– Что ты хотела сказать мне, Матерь?

Чажре еще раз вздохнула, выравнивая дыхание и вспоминая все складывавшиеся в уме слова, и быстро проговорила:

– Ты и твои люди должны будут сказать на совете мое слово. И Невидимая Матерь отблагодарит вас самих, и детей ваших.

...когда солнце скрылось за стеной, и проходы между домами затянули густые, черные тени, Гонаб дошла до проема, который вел в её жилище. Постояв перед ним, словно в нерешительности, она зашла внутрь.

Отверстие со стороны заката еще не было закрыто заслонкой, и вечерний свет лился внутрь, и через него, и через входной проем. Плетеный из прутьев мат, укрытый козьей шкурой, две корзины, сосуд из красной глины с черным верхом, белый кубок с узкой ручкой. Все, как и было. Здесь вообще редко что-то менялось.

Женщина опустилась на камень, служивший ей скамеечкой, наклонилась и взяла в руки что-то, тускло желтевшее в разбавленном свете. Это был череп. Гладкий, лишенный нижней челюсти, с раковинами, закрывавшими пустые глазницы. Гонаб долго смотрела на него, а потом прижалась лбом к тусклой кости.

Глава третья

И вот белесый свет, льющийся с неба, коснулся статуэтки Невидимой Матери. Она выглядела так же, как и все её изображения – волнообразные линии, расширяющиеся книзу, намек на женскую фигуру – и ни единой черты лица. Никто не мог даже представить, как выглядит лицо той, что принимает ушедших в подземном доме и смотрит по ночам вниз Белым глазом.

Этой ночью её глаз шурился – лишь половинка круга висела в густо-синем небе над Стеной. И, разбиваясь о гладкие камни, которыми был вымощен пол Дома, свет стекал по животам и бедрам трех женщин. Обнаженные, они сидели в одинаковых позах, скрестив ноги и поставив на них локти. Одна мерно повторяла какую-то фразу, и последнее слово, раз за разом, подхватывали две других. Сосуд, казавшийся черным в полумраке, стоял напротив алтаря с фигуркой.

Прервав монотонные повторения, одна из женщин наклонилась, и, подхватив за руку, с усилием подняла посудину, наклонила и сделала пару глотков.

– Невидимая мать, отдавшая нам свои глаза – свет, отдавшая нам свою плоть – пища, отдавшая нам свою кровь – наша женская сила, сегодня мы говорим с тобой! – глухо но отчетливо, прозвучал голос Хашмы, – мы пьем твою мудрость за эту ночь, и иные без счета, дай же нам её каплю!

Замолчав, она протянула сосуд второй женщине, и та тоже сделала пару глотков.

Напиток был одновременно горьковатым и терпким, и, отхлебнув его, Чажре подумала, что он не изменился с того времени, когда, юной, она впервые попробовала его. Всё так же тянул и горчил, и так же, когда сосуд пустел, в голове начинало шуметь, появлялось чувство легкости и тепла. Напиток не изменился, зато изменилась она сама.

Бдения в Доме Женщин обычно совершались раз в месяц, когда Белый глаз в небе был круглым, полным и грозным, и Чажре часто казалось, что она видит в нем не то гнев, не то тайное обещание. Сейчас до полноты было еще далеко, но они все равно собрались, чтобы решить – ибо иначе решать было нельзя, чтобы, наконец, найти ответ, как жить дальше.

С тех пор как часть мужчин их народа, и соблазненные (или похищенные) ими женщины ушли на острова, жизнь на побережье уже не была такой, как раньше. Кровь, пролившаяся на советах, где впервые была оглашена воля какого-то злобного мужского духа холодных вод, впиталась в землю народа Невидимой Матери, как проклятие. И никто не знал, как его можно снять. Вернее, Чажре знала – но не могла убедить в этом других.

И они тянулись, мгновения нескончаемой ночи, бдения, прерываемого песней-хвалой, молитвами и питьем. Белый свет, льющийся в проем, потускнел, в Доме стало почти темно – теперь Чажре видела двух других матерей скорее как очертания в темноте, сосуд опустел, в её голове плыло, кроме того, стало хотеться избавиться тело от лишней влаги. Но это была лишь одна из нескончаемого множества ночей, проведенных в бдении, и женщина уже давно научилась управлять своим телом и разумом.

Когда клочок неба, зажатый в квадратном проеме потолка, начал сереть, а затем голубеть, женщины уже просто сидели в полудреме, не в силах ни говорить, ни, тем более, петь. Их разум, покинув тело, блуждал где-то в краях, где Невидимая Мать отгоняла ночных духов, и они опять превращались в животных, чтобы бегать в лесах, пока снова не выплывет в небе Белый глаз.

– Вы готовы говорить, сестры? – прозвучал охрипший голос Хашмы, и Чажре вздрогнула, словно падая из бездонной глубины сна на дно каменного колодца – падая вверх. Она и сама не могла бы это объяснить, но так ей всегда казалось.

– Мое слово осталось тем же, и я видела его в свете Белого глаза, – проговорила она таким же севшим голосом, – мы должны искать землю ликшури и покончить с ними.

– Мое слово неизменно, – эхом откликнулась Гонаб, – мы, люди Стены, должны уйти за лес, к нагорью и построить новую стену там.

Когда её голос стих, молчание, темно-серое, как раннее утро, повисло под сводом Дома женщин.

– Какое будет твое слово, Хашма? – не выдержала, наконец, Гонаб, и та, не поворачиваясь к ней, ответила:

– Мое слово прозвучит на совете.

Гонаб медленно брела по проему между домами, разливавшийся в небе свет больно отдавался в глазах, а голова казалось, жила отдельно от остального тела. Это было привычное ощущение после ночи бдения в Доме Женщин, и она не обращала на него особого внимания. Надо найти Джара и поговорить с ним. С ним и с другими, из тех, кто работает с камнем, медью и обращает мольбы к Хелобу. Их голос должен звучать на совете, к ним прислушаются. К ним – и к Хашме, но что готовится сказать Хашма?

Она сама не могла бы сказать точно, когда ей стала ненавистна Стена, и море, чей шум в её ушах не смолкал никогда, даже когда его не должно было быть слышно. После того, как убили Латха, или когда его череп стал говорить с ней, или когда... Сейчас она думала лишь о том, что может увидеть, как они бросают эту окровавленную землю, и все начнется заново. Вряд ли ей оставалось много – она немолода, и боль после еды или без всякого повода часто напоминала ей об этом. Но, все-таки, она еще увидит их исход.

Многое в Стене поменялось со времени, когда она играла глиняными шариками на пыльном полу. Власть совета Трех матерей, когда-то почти незыблемая, явно шаталась. Все-таки, им открыто бросили вызов. А сейчас все большую силу набирали роды, во главе которых стояли мужчины – например род Хелоба, хранящий тайну работы с камнем и медью. Что ж, тем больше причин поговорить с Джаром – думала Гонаб, хотя ощущала не облеченную в слова мысль о том, что жизнь в Стене меняется на её глазах.

Дом, где работал Джар, встретил её тишиной. Гонаб даже подумала, что мужчина еще не пришел, но все же заглянула в проем. Полутьма, рассеянный свет и еще нет тяжелой духоты – и фигура человека, сидевшего, скрестив ноги, на полу.

– Пусть Хелоб даст твердость твоей руке, Джар, – проговорила женщина, – хочу говорить с тобой. Могу я войти?

– Входи, если пришла, – откликнулся мужчина, не меняя позы, – Красный глаз еще даже не взошел, а ты уже здесь. Что случилось, Гонаб?

– Будет совет, – сказала женщина, и облизала пересохшие за ночь губы, тщательно подбирая слова, – мы будем говорить о том, что дальше делать людям Стены.

– Я знаю, – спокойно ответил Джар, – и что?

– Голоса тех, кто почитает Хелоба, значат много на совете. Ты – старший из них, Джар. Я знаю, что другие доверяют тебе. Они повторят твои слова, слова, которые ты скажешь перед всеми.

– Все, кто прошел обряд у ночного камня, давно не дети, Гонаб. И они сами знают, что говорить и когда.

Женщина некоторое время помолчала, собираясь с мыслями.

– Но ты – тот, кто встречает отдавших свою силу Хелобу в заповедную ночь..., – начала она, и мужчина перебил её:

– Мы не говорим с женщинами об этом, Гонаб. Ты это знаешь. Скажи лучше, зачем ты пришла.

– Каким будет твое слово на совете? – прямо спросила Гонаб, отбросив все ухищрения, – за то, чтобы идти к нагорью или остаться здесь?

– Здесь жить все тяжелее, – не спеша проговорил Джар, – и ты это видишь, и другие. У нас мало камня, мало меди, мы не знаем, что придет с Большой воды. Мы теряем людей. Вторая ладья, посланная к островам, не вернулась.

– Значит, уходить? – Гонаб старалась, чтобы её голос не выдал радости, но мужчина покачал головой:

– У нагорья может быть не легче. За острым камнем все равно надо ходить далеко, и люди Женщины-с-Леопардом...

– Они снова согласятся на мену с нами, – теперь уже Гонаб перебила его, – ты увидишь!

– А если нет? – спросил Джар, – в Стене нас защищают камни. Строить другую стену будет тяжело и долго.

– Как здесь можно оставаться, если мы не знаем, что придет с моря?

– Этого я не знаю, – ответил Джар, – но что говорит Чажре?

– Ты можешь спросить у неё, – женщина с трудом скрывала разочарование, – но ты и так знаешь, что она хочет и почему.

– Знаю, – сказал Джар, – все знают. Теперь нам осталось узнать, хочет ли этого Хелоб и мы, его дети.

– И когда ты узнаешь это?

– Мы будем готовы сказать свое слово к совету, – мужчина поднялся. Он был голый, но нагота его ничуть не смущала, – теперь иди, Гонаб. Никто не спрашивает, что случается в Доме женщин. И тебе не должно знать о том, как мы заклинаем того, кто дает нам силу.

...когда Чажре потянула на себя деревянную заслонку, лежавшую на полу, та поддалась, подняв облачко пыли. Жар уже начал литься с неба, и пылинки плясали в падавших через потолочный проем лучах. Женщина подавила желание чихнуть и посмотрела в открывшееся углубление. Уходившее на половину человеческого роста вниз, оно было заполнено самыми разными предметами. Статуэтки – и те, что делали в Стене, и невиданные, привезенные с островов или из-за гор, чаша на тонкой ножке из цельного куска зеленоватого камня, сосуд из шлифованной белой породы, тонкие лезвия, два слитка чистой меди – и, осторожно уложенное в чашу, колечко из светлого металла. Чажре протянула руку, взяла колечко и надела его на мизинец, оно налезло до второго сустава. У неё много такого, за что можно выменять хоть ладью, и большую часть этого придется отдать. Но не кольцо, нет, не кольцо.

Глава четвертая

– Ты уже закончила, Мегам? – голос матери, разнесшийся над полем, заставил девушку оторваться от мыслей.

– Еще один раз остался! – откликнулась она, вылила на поле воду из глиняной посуды с широким верхом, и со вздохом поплелась к колодцу опять.

Дождей не было с прошлой луны, и люди их рода, как, впрочем, и всех соседних, начали опасаться за посевы. Приходилось идти к низине, туда, где предки вырыли глубокую яму. На её дне всегда была вода – но сейчас и она почти пересохла, приходилось спускаться по выбитым в каменистой земле ступенькам и, в самом низу, долго, с усилиями, начерпывать её руками и мисочкой. Слишком много её уже набрали за день – и в сосуды для питья, и на поле. Летняя вода была плоха, от неё часто болел живот, но выбора не было – приходилось пить и такую.

Когда Мегам вылила последнюю миску туда, где уж пробивались полужасохшие ростки пшеницы, она оглянулась по сторонам, осторожно расправляя ноющие плечи. Жар, лившийся с неба, заставлял голову гудеть, глаза ломило, но работа еще не была закончена. Вздохнув, Мегам поискала глазами мать и спросила, громко, насколько позволял пересохший голос:

– Барг и Тхвими еще не вернулись с берега?

Женщина, которая стояла на коленях, выдергивая пучки травы из земли, подняла голову. Её волосы были обрезаны коротко, чуть ниже затылка, лицо шелушилось.

– Раковин осталось мало, и они взяли лодку. Хотели идти в скале, – так же хрипло ответила она, – ты закончила поливать? Иди к лугу, помоги сестре отогнать коз к дому. Скоро придет Герм, мы зарежем одну.

За их полем был луг, впрочем, назвать его лугом можно было лишь условно – земля здесь была перемешана с камнями, между булыжниками пробивалась трава, принявшая за луну непрерывной жары буроватый оттенок. Её щипали около десятка отощавших коз, рядом на корточках сидела девочка-подросток и что-то чертила палочкой на земле.

Луг был широк, десятки шагов, наверное, даже из пращи не докинуть до другого конца. Он упирался в небольшой подлесок, по левую руку стояли жилища. На квадратной, тщательно сложенной из камней, основе, они казались более крепкими снизу, чем с крытого ветвями верху. Три больших хижины их рода.

Когда козы оказались в огороженном оградой из деревянных кольев загоне, Мегам оставила младшую сестру и направилась к жилищу своей семьи. После изнуряющей работы на поле ей хотелось урвать себе хоть немного отдыха в тени. К счастью, Красный глаз сейчас стоял так, что перед входом в хижину образовалась тень. Девушка, нагнувшись у входного проема, нырнула в душный полумрак. Свет попадал сюда сквозь отверстие в обращенной к морю части потолка, и Мегам ясно различала сделанную из цельного куска дерева лавку, полукруглый широкий стол в углу (отец работал на нем с костью и камнем), покрытые черной сажей камни очага. Её хижина. Здесь мать дала ей жизнь, здесь она игралась ребенком с глиняными фигурками, здесь её приняли в род после её первой крови.

Потянувшись к большому сосуду, стоявшему у изголовья плетеного мата, она приподняла его, налила воды в небольшую, но глубокую миску, поднесла к губам и начала пить. Теплая и уже немного затхлая, вода была неприятна на вкус, но жажду утоляла. Хорошую воду в эту пору все равно не найти.

Иногда, слушая у краснеющих углей вечернего очага разговоры старших, Мегам пыталась представить себе всё, о чем они говорят. Стену – поселение, в которое невозможно просто так попасть из-за высокой ограды (ей трудно было понять такое), его жителей, которые выносили на мену редкие и такие красивые вещи. Далекое острова, к которым раньше плавали её родичи и людей, которые живут там. Людей, которых породила не Невидимая мать, и потому

они не могли общаться с её народом иначе, как жестами. И тех, кто когда-то отверг волю Дающей Жизнь, и ушел в море.

Мужчины вернулись поздно, когда тени уже протянули свои длинные руки в направлении, противоположном морю. Мегам, закончив дневную работу, бродила босиком по усыпанному гольшами берегу, то заходя в воду, то выбираясь на сушу. Она не смотрела под ноги – прекрасно зная, что все съедобные раковины здесь уже найдены, высосаны и брошены в мусорные кучи. Вместо этого, она до боли вглядывалась в небокрай, где багровел Красный Глаз, и катившиеся волны пенились белым вокруг нескольких торчавших из-под воды камней.

Так она и увидела их – ладью, которая, вынырнув из-за замыкавших бухту скал, повернула к берегу. Сердце девушки заколотилось, хотя она и ждала чего-то подобного. Сейчас она снова увидит его, и...

На правившей к берегу ладье сидело трое – двое мужчин гребли, третий держал шест, нащупывая им дно. Когда ладья вышла к прибрежной отмели, он отбросил шест, соскочил в воду, погрузившись по пояс в прибойную пену, и начал медленно тянуть ладью, постоянно оглядываясь вперед. Мегам понимала смысл его действий – сделанная из просмоленной коры, обтягивавшей каркас из ветвей, лодка была быстрой и легкой в управлении, но её обшивка оставалась хрупкой. Они долго в свое время выбирали, ранив руки, крупные и острые камни из этой части берега, стараясь сделать место безопасным, но все равно следовало быть осторожным.

– Барг! – выкликнула она, не сдержавшись, и один из вылезших на берег мужчин оглянулся в её сторону. Он смотрел на неё несколько мгновений, пока второй мужчина не толкнул его локтем. Тогда он кивнул ей и снова повернулся к ладье, которую они осторожно разворачивали на мокром песке.

Нельзя мешать мужчинам, когда они выполняют мужскую работу – Мегам знала это, и, подавив желание подойти к ним, неподвижно стояла на своем месте. Море по-прежнему искрилось закатными бликами, чайки, разогнанные людьми, вновь осторожно приближались, но девушка сейчас не видела этого. Только вчерашнюю ночь, дрожащий белый свет с неба, стекающий по черни древесных стволов – и руки Барга, его губы и голос. Он сказал, что знает, как убедить старших – тех, кто прошлым летом ясно сказал им, что слюба не будет. Обряд соединения двоих не проводится для тех, чьи родители – братья и сестры. Но он сказал, что можно изменить это и убедить их, сказал, что...

– Иди сюда, Мегам! – голос хлестнул её по ушам, заставил сердце подскочить, – поможешь нам нести раковины.

Она поспешила к ладье. Конечно, это был Барг – хорошо придумал. Девушке нельзя помогать мужчинам с их работой – но носить улов она может вполне.

– Берись за корзину, оттащим её к хижинам, – проговорил Барг, вытирая рукой лоб. Он сейчас стоял перед ней почти голый, лишь на бедрах была узкая полоса из размятой кожи, скроенная в передник – и Мегам вновь почувствовала жаркую волну, пробежавшую по телу куда-то вниз.

– Бери, – повторил Барг грубо, хотя глаза его задержались на ней дольше, чем того требовали обстоятельства, – Тхвими и Лар, заканчивайте с ладьей, мы отнесем это к кострищам.

Один из рыбаков поднял голову от лодки, которую он как раз подпирал камнем.

– Мы потом отнесем сами, Барг, давай сначала укрепим ладью. А ты, – повернулся он к Мегам, но второй юноша прервал его:

– Пусть несут, Лар, там не много. С ладьей сами управимся.

Он говорил отрывисто, но, когда он взглянул на Барга, по его губам пробежала кривая полуулыбка.

– Берись за тот край корзины, Мегам, – проговорил Барг, – поднимай и понесли.

Сейчас, пока никого вокруг не было, он сидел перед ней на пенке, там, где кусты загораживали хижины. Внезапно его жесткость и грубость слетели, и Мегам опять увидела юношу, который был лишь на два лета старше её самой – с коротко обрезанными, торчащими во все стороны волосами и разводами соли на крепкой, смуглой груди. Барг смотрел на неё своими большими, почти черными глазами, и Мегам почувствовала тянущую, сладкую боль внизу живота.

– Лов был удачен? – спросила она, как надо было спрашивать вернувшегося из моря, но юноша лишь нетерпеливо дернул головой.

– Добыли немного раковин да две рыбины у одинокой скалы, сама видишь. Слушай, Мегам... Нам уже надо что-то решить, некоторые догадываются.

– Тхвими? – спросила Мегам, почувствовав быстрый укол страха.

– Тхвими знает, но не расскажет. А вот в Ларе я так не уверен. И в других. Никто из старших не слепой.

Девушка молчала, ожидая дальнейших слов, но Барг тоже выжидал, рассматривая её. Наконец, он нарушил молчание:

– У нас почти не случилось острого камня, и Герм говорит, что выменять его в Стене тоже нельзя. Значит, придется плыть на острова.

Мегам посмотрела ему в глаза.

– Ты уйдешь в море? – спросила она, чувствуя, как что-то тянет в глубине её чрева, – но там же...

– Ликшури никто не видел с прошлого лета, – прервал ей Барг, – а камень нам нужен. И не только он. Слушай, Мегам, я все решил. Отец говорил мне, как идти до острова, где много острого камня. Он ходил. И Тхвими со мной согласен. Мы поплывем туда, и я вернусь с камнем и прочим – и тогда, в белую ночь, когда меня спросят, какой награды нужно – попрошу разрешить слюб. Тхвими поднимет голос за меня, и может Лар, и...

– Не надо, – тихо проговорила девушка, – Барг, не уходи к далеким островам, прошу тебя. Море беспокойно. Никто не знает, что там встретит.

– Ты что, давно выходила на берег? – в нетерпении прервал её юноша, – море как раз спокойно, уже вторую луну как почти неподвижно. Мы дойдем до дальних островов за три дня, по пути будем ночевать на скалах, отец говорил где. И так же вернемся назад. И когда мы пригоним ладью, полную острого камня, они выслушают нас!

– Барг, не надо, – повторила девушка, – ночью я слышала, как говорили мертвые. Что-то плохое ждет нас. Оставайся здесь.

– Мертвые всегда говорят по ночам, – Барг только пренебрежительно качнул головой, – я знаю, что надо делать, Мегам. И я просил совета у отцовского черепа, и ходил к морю в темную ночь. Мы доплывем до земли острого камня, и все будет хорошо.

– Барг..., – снова начала она, но юноша быстрым жестом положил ей руку на щеку, потом скользнул вниз по шее.

– Старшие сейчас с козами, – тихо проговорил он, – открой тело. У нас есть время.

Глава пятая

Это был день боли, один из тех, к которым Хашма, как она думала, уже привыкла. Чрево болело, где-то внизу и справа, тупо и тошнотворно, но иногда отдаваясь острым уколом – например, когда она резко разгибалась. Во рту стоял вкус мокрой меди, и его нельзя было ничем прогнать.

С прошлого времени дождей, когда появилась боль, женщина уже успела понять, что обращаться к духам предков и Невидимой матери бесполезно, и сейчас просто ждала своего времени. Люди Стены часто умирали после таких болей, а ведь она и так немолода. Её старшая дочь Лукад уже под защитой духов нового рода и несет ребенка от своего мужчины. Зато совсем юна младшая Хин, и что станется с ней?

Боль не мешала Хашме выполнять привычную работу, и её руки, пусть и медленнее, чем обычно, замешивали с водой ячменную муку, бросали очищенные ягоды можжевельника в сосуд, до половины наполненный водой, толкли в пыль сухую охру...

– Здоровья и спокойного сна твоим детям, Хашма, – прозвучал голос от двери, – дозвожь мне войти.

Тень упала на полосу льющегося через проем утреннего света, но Хашма даже не повернулась.

– Входи и говори, Гонаб, – сказала она, осторожно высыпая бурую охряную пыль в небольшую тарелочку из светло-красной глины.

Сухие ветви, устилавшие пол у входа, сдавленно хрустнули, тень на полу качнулась и поползла. Хашма, наконец, повернулась к входу.

– Я ждала, что ты придешь, – она проглотила часть, где говорилось о детях.

– И знала, что я хочу сказать? – усмехнулась гостья, но Хашма покачала головой:

– Мы все сейчас говорим об одном, о совете, что будет в день тонкой тени, и о том, что надобно делать народу Невидимой матери.

– Я хочу не просто говорить с тобой, Хашма, – Гонаб подобрала свою длинную юбку, так, что открылись крепкие колени, – я хочу тебе показать кое-что. Пойдем со мной.

– Сейчас? – Хашма на мгновение вышла из своего равнодушия, покрывавшего свербящую боль где-то в глубине, – я видела все, что должна была видеть в Стене.

– Все? – Гонаб впервые улыбнулась, и улыбка вышла недоброй, – а когда ты последний раз смотрела на хранилище?

Хашма только покачала головой в ответ. Обе знали, что за запасы зерна в ямах отвечает Гонаб, она говорит с другими матерями, отмеряя им, сколько нужно. Хашма же привыкла полагаться на дочь, которая просто приносит время от времени полный сосуд.

– Идем со мной, – с нажимом повторила Гонаб, и хозяйка жилища неохотно кивнула, и повернулась, ища взглядом сандалии.

Хранилище представляло собой квадратное здание, самое большое в селении – со сложенными из скрепленных глиной камней стенами, глиняным полом и тщательно вырытыми ямами-хранильницами. Ямы обмазывали глиной, обжигали – но так же окропляли водой из источника и бросали на дно череп черной кошки, что должно было отпугивать прожорливых духов, поражавших зерно гнилью или принимавших вид мышей.

Работало это плохо, и нижние слои зерна, как ячменя, так и пшеницы, неизбежно оказывались сильно попорчены грызунами, перемешаны с их пометом и даже трупиками. И все равно другого выбора не было – и зерно, после урожая сваливали здесь. Оно принадлежало всем – каждая семья, должна была получить его столько, сколько решат дать старшие матери, а

давали они, исходя из пользы, которую семейство приносило селению. Впрочем, давно ходили слухи, что некоторые семьи получали больше зерна, чем другие, в обмен на услуги матерям – об этом говорили и на тех, роковых советах, когда...

Хранилище встретило женщин запахом лежалых злаков. Его нельзя было назвать сильным, но он окутывал целиком, и проникал, казалось, даже через глаза. Хашма, чуть пригнувшись, вошла внутрь вслед за Гонаб, оттащившей деревянную дверь-заслонку.

Внутри было почти светло – проемы в потолке, оставленные намеренно, пропускали горячий небесный свет, и словно два ярких пальца упирались вглубь зерновых ям. И дверь, через которую они вошли, чертила на полу яркую полосу. Все же, Хашма чуть поморгала, привыкая к разнице в свете снаружи и здесь, оглянувшись, пару раз втянула воздух, и, наконец, спросила:

– Что это за запах, Гонаб? Раньше он не был таким сильным, как я помню.

Её спутница, ставшая в полушаге от зерновой ямы, усмехнулась, как будто ждала этого вопроса.

– То, что ты должна знать, но не знаешь, – бросила она, – так пахнет зерно, которое порчено.

– Часть зерна всегда бывает порченой, – возразила Хашма, чувствуя, что в этот раз все окажется не так просто, и Гонаб покачала головой:

– Часть – да, но в этот раз порчено куда больше. Мы с сестрой осмотрели здесь всё вчера. Из этого зерна, – женщина вскинула руку, – порчена третья часть. Все, что внизу. Обе ямы.

Она замолчала, и Хашма некоторое время переводила взгляд с одной хранильницы на другую. Ямы, примерно в семь шагов длиной, были сейчас заполнены зерном лишь частично, над пшеницей и ячменем виднелась буро-серая стенка из обожженной глины. Его здесь немного, но если и из него третью часть нельзя есть, то...

– Урожай будет бедным, все, кто ходит на поля, говорят об этом, – ответила невысказанный вопрос Гонаб, – а того, что есть, нам и до дождей не хватит.

– Такое случалось и раньше, – глухо сказала Хашма, сморщившись от очередной болезненной судороги внизу, – плохо, но народ Стены знает, что с этим делать. Охотники принесут мясо, забьем коз, соберем раковины на берегу, рыболовы что-то поймают. Зерна, что не хватает, можно выменять в других селениях нашего языка.

– Там тоже долго не было дождей, и также ярко горит Красный глаз. И, кроме того, на что же мы будем менять, Хашма?

Она не ответила на вопрос, вместо этого несколько раз медленно вздохнула и выдохнула, собираясь с силами.

– Я вижу твои слова, Гонаб, – тихо проговорила она, – ты хочешь, чтобы мы ушли с побережья, и вырыли колодцы на новом месте. Это тяжелый путь.

– И жизнь здесь не легче, – бросила Гонаб, – когда-то у нас был камень и медь с далеких островов, рыба и раковины, зерно и мясо. А сейчас...

– Сейчас, Гонаб, тобой владеет дух того, кто был отдан морю после совета, – сказала Хашма так же тихо, словно её голос шелестел, – ты попросила себе его череп и мы не отказали. Скажи, теперь...

– Я говорю не о Латха, – голос женщины треснул, как глиняный черепок, по лицу пробежала быстрая гримаса, и так же быстро исчезла, – а о том, что люди Стены будут голодать уже во время дождей, и о том что у нас нет ни камня, ни меди, ни даже рыбы!

– Лирм должен был привезти камень с далеких островов, – сказала Хашма, её лицо осталось бесстрастным, в отличие от пылавшей Гонаб, – значит, будет, что предложить на мену.

– Если бы Лирм был жив, он бы уже вернулся, – ответила Гонаб.

Но Лирм вернулся. Хашма услышала шум и голоса, когда, закончив домашние дела, лежала на плетеном мате в своей хижине. Боль в животе постепенно уползала в свою дальнюю нору, словно злой дух, поселившийся там, на время насытился.

Сначала она не обратила особого внимания на возбужденные выкрики, решив, что это опять ссорятся женщины или подростки. Но, слыша как шаги и гул уходят в сторону моря, зашевелилась и приподнялась на ложе.

Красный глаз уже висел низко, так, что каменная кладка стены не позволила бы его увидеть, и в стоячую духоту поселения пробивались первые ручейки вечерней прохлады. Приподнявшись, Хашма взяла с деревянного столика темный сосуд, и сделала несколько глотков. Вода, пусть и нагретая, освежила её рот и мысли.

«Надо посмотреть, что там случилось», – решила она, с усилием сбрасывая с себя полдневную одурь и слабость.

Большинство жилищ Стены стояли плотно одно к одному, но между рядами был оставлен проход – по нему перемещались люди и волочили грузы. Жилища Старших матерей стояли обособлено – за площадкой с Домом Женщин, на каменном возвышении, которое, как говорят, предки оставили намеренно. И сейчас, осторожно ступая по камням, Хашма не была этому рада.

Пара подростков выскочила из какого-то жилища, почти голые, если не считать повязок на бедрах, и заторопились в сторону моря, догоняя вышедшего раньше мужчину. Но, кроме них, Хашма сейчас не видела никого – куда же делись все, кто шумел?

Повернув за низкое жилище, с растрескавшейся глиной над низким дверным проемом, она поняла, в чем было дело. Люди стояли на стене – по обе стороны от неё, много. Те же, кому не хватило места, сгрудились внизу, у каменной кладки, по которой можно было влезть наверх, и обменивались возбужденными выкриками друг с другом и со стоявшими сверху.

– Они уже почти у раздвоенного камня, поворачивают к пристани, – прокричал сверху мужчина с всклокоченными черными волосами, – будут за Стеной раньше, чем Красный глаз коснется воды!

И хотя мужчина не назвал имени, Хашме вдруг все стало ясно.

– Они все-таки вернулись, – тихо, себе под нос, прошептала она, – Гонаб придется узнать об этом.

И, осторожно присев на круглый камень возле крайней хижины, она стала ждать.

Глава шестая

Далекие острова. Народ Невидимой матери знал о них издавна – еще строители Стены, о которых рассказывали за долгими полночными вечерами в урочные дни, плавали к ним. Это были нелегкие путешествия – выбирались лишь самые сильные мужчины, способные работать веслом под льющимся с неба жаром, не требуя ничего, кроме глотка теплой, застоявшейся воды и куска сушеного мяса. И даже у них иногда заканчивались силы – бывало, что глаза гребца вдруг начинали плыть и закатываться, и он бессильно падал грудью на весло. Тогда товарищи вытягивали его тело на один из скалистых островков, где ночевали по пути, и, обложив его камнями и закрыв лицо, чтобы уберечь от гнева чужих духов, плыли поутру дальше.

Иногда ушедшие в море ладьи не возвращались вообще. Тогда люди вполголоса рассказывали друг другу о скользких холодных духах глубинных вод, об их ярости, которая заставляла воду вздыматься, о темных, крючковых лапах, вылезавших из воды и утягивающих ладью вглубь.

Случалось такое, все же, редко. Рыбаки, часто ходившие в море, уже умели предугадывать гнев духов Большой воды и отправляли ладьи далеко от берега, лишь когда были уверены в их спокойствии.

Но потом где-то в море поселились люди, о которых говорили вполголоса, которыми пугали детей, игравших у волн до темноты. Люди, которые отвергли Невидимую мать и были изгнаны куда-то за небокрай, в бескрайнее, шумящее море.

И сейчас Лирм тоже говорил о них, вернувшийся из моря, а люди стояли и слушали его. Он выглядел измотанным – широкое, смуглое лицо потемнело еще больше, щеки запали, губы в трещинах с запекшейся кровью, волосы, коротко срезанные перед дорогой, жестко торчали, покрытые белыми пятнами морской соли. Говоря, он резко рубил воздух своей правой рукой, и багровые, еще немного кровавые мозоли показывали, чего ему стоило вернуться.

– Мы доплыли туда. До острова, где добывают острый камень, с нами был старый Ута, он узнал горы. Мы вытянули ладью на берег, и дали пищу духам, что позволили нам увидеть эту землю.

Он замолчал, и ожидание повисло над площадкой. Лирм повернулся к черному, покрытому красной росписью сосуду, что стоял рядом с ним, наклонил его, отхлебнул воды и снова заговорил глухим, сиплым голосом:

– Мы ели раковины и спали у берега, и ночные духи не потревожили наш сон. Наутро мы спустили ладью, чтобы плыть вокруг той земли и найти место, где можно добыть камень. Мы шли вдоль берега, пока не увидели гору с обломанным краем и желтый камень на ее склонах. Тогда мы снова вышли на берег. Четверо, взяв корзины, пошли к каменной россыпи. Я, Мегбе и его брат остались у лодки. Потом мы услышали.

Он замолчал – как еще раньше замолчали женщины, которые поняли, что из семерых ушедших в море вернулось четверо, и именно их мужей среди них не было.

– Они кричали, – проговорил Лирм негромко, и стоявшие вокруг подались ближе, чтобы слышать, по толпе пробежали шепотки, – мы слышали, как кричали, и не знали, чего ждать. Потом мы увидели. Гач бежал к нам, по тропе сверху. Он хромал, а потом камень ударил его в плечо, и он упал. Поднялся и бежал снова. Эти люди показались за ним. Мы бросились навстречу, я достал нож, Мегбе хватил камень. И тогда увидели их. Четверо, у одного была праща, потом показались еще и еще. Мы дотащили Гача до берега и столкнули ладью в воду. Они гнались за нами по берегу, и метали камни. Мы ушли от них.

– Почему люди, что живут на дальних островах, стали так злы? – выкрикнула какая-то женщина, – раньше наши приплывали на мену с ними и...

– Это были не люди с дальних островов, – Лирм повысил голос, – они говорили на языке народа Невидимой матери. На нашем языке. Я слышал, как один из них выкрикивал, раскручивая пращу: «Мавар получит вашу кровь, помет Кумши Дагра!».

И шепот пробежал по толпе – старшие еще помнили эти злобные слова, которыми называли Невидимую мать отверженные.

Чажре отошла от собравшихся на площади раньше других. Сейчас с Лирмом все равно не поговорить наедине, но его рассказ был для неё слишком ясен. Сейчас надо только понять, какие чувства вызвал он у сородичей – страх или гнев. И удастся ли страх превратить в гнев?

Когда она слушала, как Лирм рассказывал про встречу с людьми, про их крики, что-то словно сжимало её нутро, и вновь перед глазами вставали те дни. Залитая кровью площадка, несколько неубранных тел. И море, с уходящими вдаль ладьями.

Думая так, она медленно переступала через черепки и кости – обычаи Стены требовали оставлять весь мусор и отходы снаружи, но нарушались они постоянно, особенно ночью. И свет, проливающийся поутру на проемы между жилищами, как правило, поднимал от земли пары зловония.

Жилище Мисноб приютилось у самого края, упирающееся в угол стены, и, конечно, сейчас она должна быть у себя. Несмотря на молодость, она редко работает в поле – все уже призывкли, что выходит эта женщина только тогда, когда сама согласна. Ей прощали все это – даже Старшие матери, быть одной из которых она отказалась. Потому что, когда у них где-то болело или гноилась рана, шли они все равно к ней – женщине с шишкой на лбу, знавшей, как облегчить боль и унять кровь.

Чажре опять переступила через обломок не пойми-чего, и сложила щепотью три пальца, увидев, как по-над жилищем пробежала настороженно оглядывающаяся кошка. Это были единственные животные, которым позволялось жить внутри Стены, ибо люди уже успели убедиться, насколько в этом случае сокращается количество крыс и мышей – но страх перед ними оставался. Кошки по ночам превращались в самых зловредных и коварных духов, увлекали с собой мужчин в образах полных, томящихся желанием женщин или напускали порчу в женское лоно, заставляя его мучительно болеть раз в луну. И все равно – убивать их было строго запрещено.

Жилище Мисноб – внешне такое же, как и все остальные. Каменная основа, гладкие стены, обмазанные глиной, сучья покрывают верх – и темный, душный провал. Чажре еще раз собрала в щепоть пальцы, прикоснулась ими к оберегу, висевшему у неё на груди, и, нагнувшись, шагнула внутрь.

... и у неё еще долго в ушах стоял разговор с отверженной женщиной. Мысль пришла ей в голову еще в ночь бдения в Дом женщин, и, если бы не это, Чажре не решилась бы действовать. Но, тогда, когда её дух носился где-то с ночными тенями, а голова плыла, почти не чувствуя тела, всё вдруг возникло перед ней предельно ясно. И сейчас, после слов Мисноб – которая только посмотрела на неё, но так, что, казалось, все поняла – Чажре медленно переступала ногами, поддерживая рукой мешочек на груди. Его, конечно, не видно, но надо быть очень, очень осторожной.

Глава седьмая

– Ты слышишь меня, Мегам? – голос матери вновь всплыл в вихрь растерянных мыслей, крутившихся в голове у девушки, – они придут через два дня. Мы проведем слюб, когда Белый глаз будет полным, ты знаешь, что делать до того времени.

– Но... – пробовала возразить она, – еще рано, прошу тебя. Я не знаю этих людей, я не...

– Это люди нашего языка, дети Невидимой матери, – её собственная мать выглядела вполне зримой, но от того не менее грозной, – мы говорили с ними, когда кончились дожди, и обменялись дарами. Хватит, Мегам. Ты знаешь, как решают такое. Когда скроется Красный глаз, я скажу тебе все, что ты должна узнать, а пока собери сухих ветвей для очага.

Мегам повиновалась быстрее, чем сама ожидала, может быть потому, что боялась выдать себя неосторожным словом. Новость была горькой из-за своей неожиданности. Они давно, так давно не говорили о том, что отдадут её в селище за Собачьим холмом, что девушка надеялась – все уже забыто. И, когда Барг вернется с далеких островов мужчиной, с грузом острого камня, или чего-то ценнее, старшие переменят решение. Но все произошло чересчур быстро – старейший, он же брат её матери и отец Барга – уходил в лес, как она думала, для охоты. А оказалось, для того, чтобы говорить с людьми из того селища – и выбрать ей нового мужчину.

Теперь целую луну ей не есть мяса, пить горькие напитки из трав – и ночами приходиться к женскому краю селения, чтобы вновь и вновь склоняться перед камнем Невидимой матери. Когда же лоно её вновь окончит кровоточить – будет слюб. Обряд соединения, питье хмельных ягод и игра на священной дуде. И – новое селище, новый дом, новый мужчина.

Мегам сама не могла бы объяснить, что чувствует сейчас. Старшие выбирали девушкам мужчин, проводили обряды – ей в детстве и не приходило в голову, что должно быть иначе. Потом же, когда грудь её стала расти, а кровь – течь, она вдруг поняла, что рядом с ней все чаще оказывается Барг. Сын брата её матери, старше на два лета, которого она ребенком едва замечала. А потом он стал мужчиной, пройдя обряд у камня, в котором жил Уцаси. Никто из женщин не знал, что мужчины делают в ту ночь, но сила духа, обитавшего в похожем на мужской признак камне, вливалась в них, и плоть их становилась способна так же каменеть нужный миг, чтобы разбудить желание, спящее в женщине. И теперь Барг все чаще ей улыбался, подхватывал руку, касался украдкой бедра... и Мегам не заметила того мгновенья, когда увлек её в заросли вики и сорвал тонкую девичью накидку. Тогда она поняла, что он и будет её мужчиной – но сам Барг был мрачен. «Отец запретит», – сказал он ей как-то.

Тогда, в день своего возвращения с лова, он рассказал ей, что хочет делать с другими юнцами их рода – пройти на ладье к далеким островам, привезти камень, в котором селище так нуждается, а выменять нигде. Прошедшие морем станут среди сородичей теми, к чьим словам прислушиваются даже старшие – и никто не помешает Баргу взять её в жены. Но теперь мать говорит ей это.

Все еще как во сне, не глядя толком перед собой, Мегам понесла сухие сучья обратно в жилище. Набрать их не составило труда – уже больше луны душный жар тянул влагу и соки из всего, и подлесок был переполнен сухостоем. Значит, теперь ей проходить обряд подготовки в жены, и все закончится слишком быстро, чтобы Барг успел...

– А! Смотри куда идешь, Мегам! – выкрикнул кто-то, в кого она врезалась, повернув за ограду. Зир, её сестра, младше всего на два лета.

– Прости, Зир, я тебя не увидела, – пробормотала Мегам и присела, чтобы подобрать упавшие ветви, – ты не знаешь, Барг в селище?

– На пастбище, – ответила Зир и потерла живот. Она была тоньше Мегам, и серая накидка из грубо тканого полотна висела на ней мешком, – что ты от него хотела?

– Мать сказала, что... – Мегам начала, но не закончила предложения, ничего не придумав, – хорошо, я сейчас сложу ветви и найду его там.

И она поспешила в жилище, не видя, как Зир пристально смотрит ей вслед.

– Мы успеем, – лицо Барга было перепачкано охрой, просверленная раковина белела на почерневшей от солнца груди, – я буду говорить с юными. Мы выйдем в море второго дня, должны успеть вернуться за десять дней, – Барг вскинул руки, показывая жест «десять», плотно сложенные пальцы ладони, переплетенные большие.

– А если меня заставят пройти слюб до того? – спросила Мегам, её голос чуть дрожал, как всегда бывало после того, как Барг входил в её тело. Он лишь покачал головой.

– Так быстро этого не делают. Сначала ты должна будешь есть лишь лепешки и ягоды, да пить травы, потом нужно дожидаться твоей лунной крови, потом... – он чуть подумал, наморщив лоб, – скажись больной. Притворись, что в чреве у тебя поселился жабий дух, ты протянешь достаточно, вот увидишь.

– Я не знаю, – Мегам покачала головой, – мать тяжело обмануть, она даже спит рядом со мной.

– У нас достаточно дней, – с нажимом сказал юноша, и взял её за подбородок, заставив посмотреть в глаза, – сейчас ты моя женщина. Я входил в тебя, дал тебе силу камня Уцаси. Ты должна будешь сделать, как я сказал. Дождаться, когда мы вернемся.

Но селище, когда они вернулись туда, встретило их гомоном и непонятым оживлением. Почти все люди столпились у жилищ, окружив кого-то или что-то. Барг и Мегам переглянулись.

– Кто-то пришел, – упавшим голосом сказала Мегам, в её голове пронеслась мысль «неужели мать решила не ждать?».

– Идем, посмотрим, – юноша, казалось, полностью владел собой. Легонько коснувшись плеча Мегам, он шагнул вперед, намеренно оставляя между ними разницу в шаг, и они поспешили к толпящимся сородичам.

За спинами Мегам сначала ничего не видела, лишь слышала, как люди обмениваются словами с кем-то, но, отодвинув плечо Зир, увидела, кто стоял в середине круга. Двое мужчин, похожих друг на друга – высокие, жилистые, с дочерна загорелой кожей и бугристыми мышцами рук. Но один был на пол-голова выше второго, а грудь низкого испещряла полоска шрамов. Оба были почти голые, если не считать узких полос выделанной кожи на ребрах и босые, что удивило девушку. Кто же ходит босой по лесу?

– ...селища за долгим мысом не знали дождей уже две луны, – говорил один, на их языке, со слегка отличающимся выговором, – мы плыли на ладье вдоль берега и шли лесом, по воле наших старейших, чтобы говорить с людьми по эту сторону мыса. Мы хотим узнать, где могут выменять зерно и сухие ягоды.

– Мы ничего не сможем вам предложить, – ответил старый Герм, и Мегам увидела, что он вышел из круга и стоит против чужаков, сжимая деревянную палицу с набалдашником в руке, – никто по нашей земле не имел доброго урожая. У нас есть сосуды и ножи, камень и даже медь, но зерна не так много. Едва хватит самим.

Мегам увидела, как пришедшие обменялись быстрым взглядом, и выражение их лиц показалось ей странным. Они шли менять вещи на еду, но не казались разочарованными, узнав, что ни зерна, ни ягод не получают.

– Раз так, надо возвращаться к нашей ладье и плыть дальше, – проговорил один из них, – наши в селище велели искать, пока не найдем лучшей земли.

– Пройдите к очагу и примите нашу пищу, – сказал Герм, – Невидимая мать велит помогать всем своим детям.

Чужаки снова быстро переглянулись.

– Мы примем вашу пищу, – сказал тот, что говорил, а второй только кивнул.

Они не задержались в селище надолго, и ушли в сторону разросшихся пихт, заслонявших здесь море. Мегам хотелось обсудить с Баргом странных чужаков, но тот подошел к Тхвими и они заговорили вполголоса. Мегам стояла чуть растерянно, не очень уверенная, что делать дальше, когда вдруг почувствовала, как кто-то коснулся её локтя. Обернувшись, она увидела Зир.

– Ты была с ним, – сходу сказала сестра, – с Баргом. Вы любились в зарослях за отлогом, я знаю. Я уже видела вас раньше.

– Ты не видела нас, Зир, – пробормотала Мегам, и, не до конца понимая, что говорит, добавила, – ты не скажешь старшим.

– Почему же мне не сказать, Мегам? – по лицу девушки пробежала нехорошая усмешка, – дашь ли ты мне что за это?

– Зир, так нельзя... – Мегам все еще была растеряна, но чувствовала, как что-то горячее и острое начинает шевелиться в глубине – гнев.

– Ты – старшая, – сестра больше не усмехалась и говорила без обиняков, – Тхвими сказал мне, что юные хотят плыть на острова. Я хочу долю того, что они привезут. Пусть твой Барг поклянется отдать это мне, поклянется завтра поутру. Я тоже хочу найти себе мужчину.

Она повернулась и пошла к пустому загону, где сейчас не было коз – Зир убирала за ними, потому её руки постоянно были красными и растрескавшимися. Она младшая, значит, самый лучший мужчина полагался Мегам, а не ей. А вот теперь она знает и про её встречи с Баргом, и, видно, считает, что старшей сестре достается слишком много всего.

Разговор с Зир стоял в ушах Мегам целый день, делая её напряженной и испуганной – ей казалось, что и мать, и другие старшие начали смотреть как-то не так, словно тоже догадываются. Она гнала от себя подозрения, но те роем докучливых мух крутились над головой, лишая покоя.

Вечером, когда люди их рода сидели в кругу и ломали сухие пшеничные лепешки, размачивая их в стоявшей в глиняных мисочках воде, Мегам боялась поднять глаза в ту сторону круга, где сидела её мать. Она грызла размякшее тесто, бездумно запивала водой и думала, что теперь делать. Придется пообещать Зир, ничего другого не придумаешь. Если мать узнает о намерении Барга, она может решить что угодно – например, отдать её в соседнее селище немедленно, или чего хуже. Любится с юношей, которого старшие признали не парой – такого у них очень не одобряли. И Мегам не хотела представлять, какой будет кара.

Но кара пришла ночью, в глухой час, когда девушка лежала на плетеном мате, натянув на озябшие ноги козью шкуру. Сначала она услышала хруст и треск, словно кто-то ходил неподалеку, и не придавала этому особого значения. Животные по ночам часто бродили вокруг селища, и ей, выходящей из хижины, чтобы облегчить тело, приходилось видеть их быстрые серые тени в клубящемся сумраке... но эти шаги не принадлежали животным – поняла она очень быстро. Все звучало так, будто несколько человек идут один за другим, приближаясь к жилищам – и, только подумав так, услышала сдавленный голос. Слишком тихо, чтобы понять слова, но голос, несомненно, человеческий. Она испуганно выпрямилась на лежанке, думая, толкнуть ли мать или другого из старших – и все началось.

Тишина раскололась яростным воплем, от которого её сердце подпрыгнуло в горло, на миг перекрыв дыхание. Она сидела, и ошалело слушала яростный вой, какой-то треск и сдав-

ленные вскрики – люди проспались, натыкаясь друг на друга в густой, удушающей тьме, которая вопила и вопила... и вдруг к воплям добавился новый звук – шелестящее шуршание и треск, с которым огонь бросается на свежую пищу. И тогда Мегам тоже вскочила.

Кто-то, кого она не увидела, во тьме толкнул её локтем в бок и наступил на ногу, раздался звук падения и заверещал ребенок Агит, девушка, не помня себя, метнулась в сторону, ударившись в стены жилища. Раздался треск, и тут рухнула заслонка, которой они преграждали путь ночной прохладе и зловредным порождениям темноты. Рассеянный свет ночи и в нем – красные отсветы. Что-то горело.

Мегам не могла потом восстановить в голове все, что происходило – помнила только, что была уже снаружи, и видела, как пылает крыша соседней хижины. И металась рядом тени, жуткие тени, сжимающее что-то в руках. И опять крики – ярости и боли, пронзительный плач детей. Земля, холодная ночная земля под её босыми ногами, острые края чего-то ранят ступни, и она на бегу врзается в человека, падает, задыхаясь от страха. И голос над головой:

– Это женщина, молодая. Возьмем?

Ночь говорила на понятном ей языке, и она вдруг поняла, кто пришел к ним в глухой час. Сейчас даже видела их лица – мужчины, в красноватых сполохах огня, склонившиеся над нею.

– Возьмем. Стереги её, пока мы не закончим.

Она увидела, как один из мужчин нагнулся к ней, попыталась вскочить, но почувствовала острую боль в ноге, и, вскрикнув, упала.

– Лежи, или еще получишь, – произнес чужак, и Мегам, скорчившись, подняла взгляд. Рядом с ней сидел тот, в кого она врзалась, его лицо показалось ей перекошенным от страха. Позади пылало жилище, и крики со стонами часто обрывались тем чавкающим звуком, с которым острие входит в человеческую плоть.

– Мы кончили почти всех, кто остались, Скел! – крикнул кто-то в темноте задыхающимся голосом.

Ликшури

Глава первая

Последние багряные лучи, еще пробивавшиеся сквозь рощу на холме, погасли. Последыша окутал полусвет сумерек, подогревавшийся красноватым свечением углей от костра. Он свернулся на земле, стараясь заставить тело не дрожать. И знал, что дело не в ночной прохладе, нет, не только в ней. Подтянув колени к груди, юноша вспоминал то, что видел и слышал этой ночью. Стертые руки жгли, тело по-прежнему ныло, но сейчас он не замечал этого, вновь и вновь спрашивая себя – что же это за люди? И что это за земля?

Еще луну назад он не мог бы представить себе такой жизни и в худшем сне – но шесть дней прошло, как его втокнули на плот заморских людей, и вот он здесь, на тверди за морем, сжавшийся и дрожащий, терзаемый памятью о пережитом.

Хотя начиналось все не так и страшно. Тогда, осознав, что сбежать не получится, он стал оглядываться по сторонам, пытаясь понять, где оказался. Плот чужаков был совсем не похож на знакомые ему долбленки людей Земли – его сделали из связанных стеблей какого-то растения, толстые охапки плотно прилегали одна к другой, придерживавшиеся лентами из скрученных жил и кожи. Широкий – почти пять его шагов – плот посередине разделялся на две части сооружением из обструганных ветвей. Осторожно подойдя, Последыш увидел четыре тяжелых сосуда с каменными крышками, вымощенное скрепленными глиной камнями пространство, золу, связку сухих веток и плетеную корзину. Плот качнуло на прибрежной волне, и он услышал резкий оклик справа – оглянувшись, увидел уже знакомого ему мужчину, стоявшего на носу с длинным веслом или багром в руке. Нос плота, из тех же связанных и переплетенных стволов, резко загибался вверх более чем на половину его роста. К нему крепились два малых обструганных деревца, от которых отходили продольные ветви – они шли вдоль всего сооружения, на высоте пары локтей от воды, опираясь на торчавшие снизу деревянные раструбы. Юноша задался вопросом, как все это держится. Но гребцы, сидевшие у воды и упиравшие ноги в закрепленные каким-то образом камни, опирались плечами на эти ветви. Это позволяло им не падать в воду, и они уже начинали работать веслами.

Человека с багром звали Скел – так, по крайней мере, Последыш понял имя, которое тот произнес, когда плот покинул прибрежные воды. Сейчас берег тянулся по левую руку, далеко настолько, что показавшаяся на береговой кромке фигурка человека была уже плохо различима. Острый страх вдруг опять сжал его сердце – он на плоту с чужаками, и его уносит все дальше от берега, от всего, что знакомо. Юноша дернулся к краю плота, движимый одним желанием – броситься в воду и плыть назад. Но мгновение спустя взял себя в руки. Увиденное было слишком ясным – во-первых, вместе с ним дернулся и Скел – тот явно не собирался позволить ему уйти, что уже раз показал. Во-вторых, до берега было довольно далеко – он невеликий пловец, мог бы и не доплыть. В-третьих... куда ему, собственно, возвращаться? И Последыш уселся на еще почти сухие стебли, скрестив ноги.

Долго ему так сидеть не позволили. Положивший свое весло-багор, Скел сделал три шага навстречу юноше, нагнулся, и взял другое весло – уже заметно меньше. Показав его, он что-то спросил, и сделал жест, точно греб. Последыш кивнул головой, надеясь, что правильно понял, и что этот жест значит для чужаков то же, что и для жителей Земли. И получил в руки весло.

Ему уже случалось грести несколько раз, но только сейчас он убедился, что не знает о гребле ничего. Ставший теперь на задней части плота Скел взял в руки свое весло, с широким

нижним краем и погрузил его в воду. Он выкрикивал какое-то слово, и все сидевшие на веслах мужчины погружали их в воду, потом доставали и ждали некоторое время. Скел опять выкрикивал слово, и все повторялось.

Поначалу Последышу это даже нравилось. Работа была слаженной, время между гребками позволяло перевести дух, и уже казалось, что грести не так уж сложно. Стоит только примериться к частоте и удобнее усесться, чтобы накатывавшая сбоку небольшая волна не утащила в воду. Увы, так казалось только сначала. Прошло немало времени – гребцы так же налегали на весла по окрику – и он почувствовал разливавшуюся по плечам и спине боль. Сначала легкая, тянущая, она постепенно нарастала, и ему требовались все большие усилия, чтобы провести веслом в воде, вытянуть его и отряхнуть. Брызги почти не долетали до головы, но он ощущал, как промокли его волосы, и тонкие капли пота, одна за другой, сбегали по щекам и застревали на ресницах. Последыш украдкой поднял голову – сидевшие впереди и позади него мужчины продолжали мерные взмахи веслами, не показывая особых признаков утомления.

Плот сейчас шел вдоль земли, берег тянулся по левую руку, далекий и манящий. Юноша почувствовал, как пересохло его горло. Желание пить накрыло с необычайной силой и вдруг. Ему, как и всем, поднесли глиняную кружку и дали сделать пару глотков, перед тем, как мужчины сели за весла, но это было давно, и воды было так мало. И он тогда не задавался вопросом, где они её взяли. Юноша беспомощно оглянулся и снова услышал крик с задней части плота – только теперь он звучал немного иначе. Следя за тем, что делали его новые товарищи, он опустил весло в воду, и почувствовал резкое движение плота вбок. Качнувшись, он прислонил руку к тянущемуся над водой деревцу, и увидел, что они медленно поворачиваются. Раздался новый крик, и гребцы опустили весла в воду опять, потом опять. Поворот становился все резче, и вот, наконец, Последыш уже не видел берега, оказавшегося у него за спиной. Теперь плот шел прямо прочь от Земли.

Отдохнуть им дали чуть позже – и, распрямивший горевшие плечи, Последыш тревожно оглядывал своих невольных товарищей по путешествию. Мужчины, некоторые юные как он, другие чуть старше, они все отличались телосложением – резко развитые мышцы плеч и предплечий, сейчас взбугрившиеся после работы – и их кожа была немного смуглее, чем у него. Большинство голые – даже те, кто на суше прикрывал бедра кожаными повязками, отбросили их, приступив к гребле – но на груди белели обереги. Как правило, это были круглые или чуть вытянутые светлые камешки странной формы, но у пары – раковины. Сидя и разминая руки, они переговаривались на своем резко звучащем языке, а Скел обходил их с глиняной кружкой, давая каждому немного выпить. Последыш тоже жадно приник к нагретой воде, но сделать ему дали лишь пару глотков, после чего резко оттолкнули от глиняного ободка. Когда Скел протягивал кружку следующему гребцу, юноша увидел, что на светлом глиняном боку чем-то черным был нарисован знак – вытянутый символ, напоминавший не то палку, не то признак мужчины, и рядом две продольные полосы.

В течение дня мало кто обращал особое внимание на Последыша, хотя юноша иногда ловил на себе быстрые цепкие взгляды то одного, то другого. Они гребли, потом опять отдыхали, позже он видел, как двое отошедших к задней части плота мужчин вытянули странное, плетеное из тонких нитей, полотнище с привязанными к нему круглыми камнями, и, осторожно укрепив его на кольшках, опустили в воду. Впрочем, юноша тут же вспомнил рассказы о жизни в соседнем поселении – его жители полагались не только на сушу, но и на море, и тоже забрасывали туда плетеные мешки, вытягивая их назад с рыбой.

Во время одного из перерывов, когда Последыш разминал дрожавшие от усталости руки, к нему подошел старший, на этот раз заменявший одного из гребцов.

– Скел, – проговорил он, ткнув пальцем себе в грудь.

– Последыш, – ответил юноша, показав на себя, разговор повторял то, о чем они говорили на Земле у костра.

– Ласса, – четко произнес Скел, – и показал пальцем на переливавшуюся под солнцем воду. Последыш молчал.

– Ласса, – настойчиво повторил мужчина, и ткнул пальцем на губы Последыша.

– Ласса, – повторил за ним Последыш, поняв, что чужаки пытаются научить его своему языку.

Сначала отвечая неохотно, он постепенно втянулся, странный урок, напоминавший разговоры детей со старым Кедром, отвлек его мысли от страха и ноющих мышц. Скел объяснил ему, как на языке чужаков называется весло (либо гребля), море и вода для того, чтобы пить – слова были разные, плот, небо, земля и даже рыба, которую его товарищи, наконец, вытянули, проверив в очередной раз сеть.

Пойманную рыбину, не слишком большую, чуть длиннее локтя, ударили острым резцом в основание головы, вскрыли и выпотрошили. К удивлению Последыша, внутренности не выбросили, а тщательно сложили в стороне. После чего мужчина, разделявавший рыбу, аккуратно отделил её голову, и, подойдя к краю плота, бросил в воду, повторив какие-то слова – подхваченные затем остальными. Между тем, Последыш увидел, как другой чужак, осторожно собрав внутренности рыбы, начал бросать их в воду, куда вновь опустили сеть. Еще один встал рядом с краем плота, сжимая тонкий дротик с иззубренным острием.

Жители Земли тоже иногда ловили рыбу при помощи таких вот гарпунов, но вскоре Последыш убедился, что чужаки намного искуснее их в этом. До вечера они поймали четыре рыбины, одна из которых была длиной в два с лишним локтя – эту пробили дротиком, приманив внутренностями другой, поменьше, и, после яростной борьбы, вытащили на плот. Головы рыб неизменно бросали в море с повторением каких-то слов, на что Последыш уже не обращал внимания. Он увидел, как одну рыбу, выпотрошив, разделали на куски и раздали людям сырой.

С недоумением и отвращением он наблюдал, как чужаки скручивали рыбью плоть, выжимая капли себе на язык, а потом клали мясо и медленно разжевывали. Последыш попробовал сделать так же, вкус рыбьего сока вызвал тошноту, но он все же сумел заставить себя проглотить и пахнущую морем влагу, и саму сырую рыбу. К его удивлению, через некоторое время он понял, что пить хочется уже гораздо меньше.

Между тем, трое мужчин скорчилось на четвереньках посередине качавшегося плота. Один продолжал орудовать ножом с обмотанной кожей рукоятью, разделявая рыбу. Второй, опираясь на третьего, яростно водил по толстой ветке чем-то, зажатым в руках. Последыш долго наблюдал за ними, прежде чем в воздухе задрожали тонкие струйки дыма.

Он многое увидел в тот день впервые – как ловят рыбу сетью, добывают огонь посреди воды, выжимают в горло рыбий сок. Но, когда красный свет медленно таял в небе, ему пришлось увидеть то, что его действительно напугало. Мужчины, захватившие его с собой, почти все голые и покрытые потом после дня гребли, по очереди становились на ноги и произносили непонятные слова, обращаясь к морю. Потом каждый по очереди проводил по груди ножом и стряхивал кровавые капли в морскую воду – и передавал нож следующему. Когда Последыш увидел узкое, замазанное кровью острие рядом с собой, его дыхание перехватило, и он невольно поднял руку в жесте защиты. Сидевший перед ним мужчина ухмыльнулся, показав просвет на месте нижнего клыка, и провел ножом вдоль шеи, в волосе от кожи. Он не спускал глаз с юноши – после чего протянул нож подошедшему к нему Скелу.

– Ра и-хиба! – выкрикнул тот, и Последыш увидел вязь шрамов на его груди, – и-ка тхимо, Мехви!

И Скел, оттянув кожу, обрезал кусочек плоти и швырнул его в море. Последыш поднял глаза – кровь стекала по груди мужчины, на его же лице отразилось что-то среднее между болью и восторгом. Он присел на корточки, омыл в воде нож и, потом, плеснул её на рану.

– Меге-те, Мавар, – произнес он глухо.

Глава вторая

– Мы шли только к закату, Скел, – заметил Харак.

Он стоял, широко расставив босые ноги. Плот почти не качался, удерживать равновесие было несложно.

– Мы плыли весь день к закату, – повторил он, – ты думаешь, мы уже достигли земли народа женщин?

– Идти к закату всегда быстрее, духи черной воды сами тянут плоты в свой дом – ответил Скел, рассматривая землю. Острые пики гор, чертившиеся в голубоватом мареве, темная полоска под ними. Полоска была неровной, на ней даже просматривались отдельные бугорки и черточки, видимо, деревья.

– Они живут здесь, – тихо сказал он и, повернувшись, посмотрел на Харака – те, из-за кого мы ушли на Калкид и другие острова, Харак. Из-за кого мы не знаем, будем ли сыты, и накормим ли детей.

– В море человек не остается голодным, – Харак стер пот и еще раз провел взглядом по далекому берегу, – но что мы будем делать сейчас? Искать место, где пристать?

– Что могут еще делать люди, сосуды которых опустели? – раздраженно спросил Скел, – эта Большая Земля, мы должны найти здесь речку или родник, или достать воду из-под земли. Пусть люди отдохнут, и будем править к берегу.

Харак посмотрел на сидевших мужчин. Они почти не двигались, уже успев размять руки, и сейчас просто старались восстановить хоть немного сил. Так же вымотаны, как и он, даже, наверное, больше. Вот один приподнялся и начал пробираться в конец плота, остановившись у прорези в тростнике, намеренно оставленной, чтобы можно было облегчить тело, не упав в воду.

– Мы можем встретить здесь людей, – сказал он, снова взглянув на Скела.

– Здесь уже живет народ женщин, – сказал тот, по голосу его нельзя было определить с уверенностью, вопрос это или нет, – те, кто слушает голос Кумши Дагра. Кто отверг волю Мавара, Воздвигающего твердь. Но мы можем напомнить о ней.

Харак, кажется, хотел что-то сказать, но сдержался, пожал плечами, отвернулся и сделал пару шагов к своему месту для гребли.

Плот, которым сейчас никто не управлял, лениво покачивался на низкой волне, повернувшись почти боком к далекому берегу. Возвращаться с Далекой Земли было проще, чем плыть туда – люди Калкид давно поняли это. Вода сама несла их, увеличивая скорость плота. Но все же добраться до островов с Далекой земли без пристанищ на берегу было невозможно. Рыбная ловля, даже удачная, не возмещала быстро заканчивающихся запасов воды, и сейчас, на склоне второго дня после того, как они отплыли, их сосуды опустели. Как ни старайся сбегать, десять взрослых мужчин пьют вместе очень много.

– Где Камеш? – подумал он вслух, и тут же увидел юношу.

Захваченного на Далекой земле чужака он прозвал Камеш, не желая ломать язык об имя, которое тот пытался им втолковать. Камеш – чужой, так все понятно. Юноша сейчас сидел у края, положив руку на ветку-заградку, и казался вконец вымотанным. Скел довольно быстро понял, что у того нет навыков морехода, его руки, привычные к мотыге, быстро уставали от весла. Впрочем, как-то он все же греб, заменяя Мехви, и то хорошо. Лучше у него получалось усваивать слова из языка Калкид, которым его обучал Скел оба дня. Сейчас Камеш уже довольно хорошо понимал, когда от него требуют грести, когда можно отдохнуть или сделать

плоток воды. Но пройдет еще немало времени, прежде чем можно будет использовать его, как проводника на Далекой земле.

Ладно, сейчас не до этого. Надо достичь побережья, и как можно быстрее, пока жажда не начала мучить людей всерьез. Кстати, интересно, что там у Гвеча. Он поискал глазами второй плот, и нашел его не без труда – несмотря на все усилия, связанные ночью, днем плоты сильно разошлись, и сейчас второй плот казался маленьким пятнышком у небокрая. Но, так или иначе, они тоже плыли к Большой земле. Что ж, там все и увидимся. Он протянул руку к шее, на которой теперь уже висели два оберега – помимо знака мужчины он повесил и кольцо, которое...

– На весла, дети Калкид, на весла! Помогите нам Мавар, духи черной и белой воды! – выкрикнул он, – сегодня до заката мы сможем наесться и напиться на суше!

Сказать «дойдем до земли до заката» было легче, чем действительно сделать это. Борьба с морем – всегда тяжелое дело, даже с малолетства сидевшие на веслах мужчины через пару дней непрерывной гребли выглядят измученными. Но делать нечего – и они вновь и вновь, со всхрапами и стонами, налегали на весла, стараясь хоть немного приблизить плот к желанному отдыху.

По опыту Скел знал, что лучше не смотреть на берег слишком часто – иначе становилось тягостно от того, как медленно он приближается. Но, выждав достаточно долгое время, он все-таки не удержался и поднял взгляд. Берег, действительно, приблизился не так уж заметно – но теперь он уже действительно мог различить отдельные деревья.

– Еще раз! Отдыхать! Еще раз! – продолжал он повторять охрипшим за день голосом, стараясь держать кормовое весло как надо. Его нельзя было погружать в воду слишком быстро – иначе обломится, но все же достаточно, чтобы его широкий край задавал правильное направление плоту, скрадывая то, что на одном борту больше гребцов, чем на другом. Впрочем, так, как гребет Камеш...

– Слева! Весла из воды! Надо еще немного повернуть! – голос хрипел все больше, и, хотя Скел, за годы морских путешествий научился подавлять голод и жажду, кружка с прохладной водой все чаще возникала перед мысленным взором.

Плот медленно поворачивался носом к двузубчатой горе.

Жаркий свет, лившийся с неба, стал красноватым, солнце висело над самой кромкой воды, когда они, наконец, приблизились к берегу на расстояние нескольких полетов камня из пращи. Скел опять заставил плот развернуться, и они пошли вдоль побережья, выискивая подходящее место. Пристать порой было едва ли не сложнее, чем держать плот в открытом море – прибой, неожиданно меняющиеся прибрежные течения, подводные камни – все это опытные мореходы Большой земли и островов знали на собственном горьком опыте. Не один из их товарищей ушел к подводным духам, ясно видя землю перед собой.

Они шли вдоль белой полосы прибоя, и, скользя глазами по спинам гребцов, Скел постоянно останавливал взгляд на Камеше – юноше-чужаке, который сидел третьим слева и с видимым трудом опускал весло в воду. Надолго его так не хватит.

– Там можно пристать, Скел! – выкрикнул кто-то из сидевших справа, и Скел посмотрел, куда указывала рука мужчины. Небольшой мыс резко выдавался вперед в море, ломая волны, и у его основания образовалась тихая заводь.

– Поворачиваем туда, – сказал он сипло и, надавив еще раз на весло, услышал хруст, и, дернув, вытащил его из воды надломленным.

– Сам Мавар не хочет, чтобы мы оставались в воде надолго, – по пересохшим и покрытым коркой соли губам пробежала кривая усмешка, и он потер рукой саднящую корку на груди, след надреза, – справа – весла из воды! Слева, первые три, налегли!

Плот, качаясь, медленно поворачивался к берегу.

Когда они, после долгой борьбы с прибойной волной, насквозь мокрые и окончательно вымотанные, наконец, вытянули плот на сушу, дневной свет погас окончательно. Вечер еще не был темным, но уже скрадывал очертания вдаль, и люди Калкид опасливо оглядывали землю, к которой пристали.

Неровный берег, усыпанный галькой и камнями крупнее, местами невысокие скалы подходили прямо к полосе прибоя, чуть дальше светлела тонкая полоска песка. Деревья, не дошедшие до воды несколько десятков шагов, темнели в надвигающихся сумерках. Под их кронами было темно – свет полностью гас среди листвы. Мыс, на который они правили, теперь слева от них – узкий и каменистый, он разбивал волны, образовав что-то вроде заводи.

Вечерний ветер понемногу крепчал, становилось зябко. Сползшие с плота мужчины, все еще голые и измученные, оглядывались по сторонам, неуверенно топчась на месте.

– Это лишь Большая земля, – громко сказал он, – Харак, Шакри, Кицл, пройдите по берегу, найдите место, где можно добыть воды!

– Здесь могут быть люди, – ответил ему кто-то.

– Мы не видели ни селения, ни лодок, но возьмите с собой топоры и дротики. И смотрите иногда на море, не видно ли людей Гвеча. Чорех, возьми ветки, сколько осталось, собери, если нужно, и разведи огонь на мысу. Надо показать им, где мы.

Приказы звучали привычно, немного рассеяв страх людей перед вечерней пустотой незнакомого берега. И вскоре трое мужчин, двое из которых несло дротики и один – топор, двинулось вдоль берега, а юноша с глубоким шрамом на щеке уже тащил охапку веток вверх по камням на мыс.

Скел оглянулся.

– Камеш? Где ты? Вижу. Иди сюда, – последние слова он сопроводил жестом, и увидел, как юноша-чужак медленно приближается к нему, его лицо казалось маской усталости.

– Иди сюда, – повторил Скел.

Походка юнца была неуверенна, он волочил ноги, и Скел почти ощутил, как тот измотан. Они, конечно, все устали за два дня в море, но юноше они дались тяжелее всего.

– Садись, – отдельно произнес мужчина, и, показав пример, сам уселся на неровные голыши, стараясь, чтобы их жесткие грани пришлись на кожаную повязку, которую он обмотал вокруг бедер, сойдя на берег.

– Садись, – повторил он, как мог громко и отдельно, и юноша, почувствовав, что от него хотят, тяжело опустился рядом с ним.

– Топор, – произнес Скел, и, обхватив рукой обтесанную деревянную рукоять с широкими бороздами на ней, отдельно сказал, – я беру топор.

Он вел такой разговор не впервые. Когда они плавали на острова к закату и встречались с теми людьми, то тоже пытались обучить их своему языку и понять какие-то слова на их наречии, в итоге научившись как-то объясняться друг с другом. И в этот раз, обходя на плоту вокруг Далекой земли, он успел так же выучить с десяток слов на языке её жителей. Но сейчас надо было самому учить чужака.

– Топор, – произнес тот невнятно, и его юное лицо, блестящее от пота, немного просветлело. Ступив на твердь, юноша казался уже не таким пришибленным и испуганным, как в открытом море. Как и ранее, он быстро понял, что от него требуется и охотно присоединился к их игре.

И они сидели, Скел называл слова, и показывал, заставляя юношу повторять, а иногда и делать что-то за ним. Над их головами, на округлых скалах мыса вспыхнули красным отблески костра, который все-таки смог развести Чорех. Двое из его людей, найдя место без больших камней, осторожно разгребали гальку и песок деревянной лопаткой, надеясь добыть хоть немного годной для питья воды. Смеркалось, и Скел уже собирался встать и размять затекшее тело, когда вдруг услышал оклик Чореха

– Люди! За длинным холмом есть люди! Я видел отблеск их костра!

Глава третья

Снова на земле – той земле, о которой ему приходилось слушать раньше только страшные истории возле вечернего очага. Он думал, что та земля полна ужасов – но ступил на неё с кружащим голову чувством облегчения. Любая земля, любая, лучше проведенной в открытом море ночи. Ни он, и никто в Домах Черной матери никогда не испытывал подобного.

Чужаки долго боролись с волнами прошлым вечером, пока, наконец, не смогли сблизиться со вторым плотом и перекинуть сплетенную из кожаных полос веревку, скрепившую обе посудыны. К тому времени Последыш все еще мог хорошо различать горы покинутой Земли, вычерчивавшиеся у него за спиной. Постепенно темнота скрадывала их – скрадывала, принося с собой ночь. Он никогда раньше и не думал, и не слышал, что можно ночевать в открытом море. Какие духи могут вынырнуть из ставшей почти черной воды? Что они могут – пролезть к нему в уши и под веки, или просто утащить в невообразимую глубь?

Он сжимал себя руками, дрожа от пронизывающей вечерней прохлады. Здесь было гораздо холоднее, чем на берегу, ветер, хотя и не очень сильный, неприятно бил под ребра. Последыш не снимал своей тонкой, тканой рубахи, пропитавшейся за день потом, водой и солью – оставаясь единственным вокруг, кто прикрывал наготу. Впрочем, от холода она спасала мало.

Но его новых спутников, казалось, холод и страх не слишком донимали – они осторожно, один за другим, улеглись поперек плота, прижимаясь друг к другу. Один, с глубоким шрамом на щеке, развернул взятую откуда-то шкуру и потянул, накрывая товарищей. Последышу они место рядом с собой не предложили, и он скорчился у деревянного сооружения посреди плота, пытаясь уйти от холода и лезущих в голову страшных мыслей.

Сон был тяжелее бодрствования. Ночная прохлада пробирала до костей, разбухший тростник врезался в кожу, настил под ним качался и мысль о глубине – бездонной ли? – над которой он висит, заставляла холодеть. Приходившее забытие наполнилось страхами и неясными образами, не раз Последыш просыпался, тяжело дыша и обливаясь потом, несмотря на свежий ночной воздух. Однажды страх был настолько силен, что он вскочил, и, потеряв равновесие, упал на колено, дико озираясь в темноте и не понимая, где находится. Сзади он услышал окрик и повернулся, дрожа, готовый встретить любой ужас. Но это просто один из чужаков не спал, и, постепенно осознав, где находится, Последыш снова улегся на промокший, холодный тростник.

Но эта ночь, худшая в его жизни, закончилась, и утром, после короткой трапезы – остатки чечевицы, которой угостили в Домах, немного рыбы и глоток воды – они снова сели на весла. И Последыш увидел, что берег, все-таки, виден – по одну сторону горная гряда выплывала из густо-синей глади. Это оставленная Земля или твердь за морем? Ведь туда они держат путь?

Долго задумываться не пришлось – снова весло легло в покрасневшие ладони, и начался новый день, почти ничем не отличавшийся от вчерашнего – гребля, нарастающая боль в мышцах, мучительно-короткие перерывы на перекус и отдых. Воду предложили только еще один раз, и, когда свет над морем окрасился в закатный, Последышу хотелось пить так, как никогда в жизни. Кто же страдает от жажды на Земле? Но здесь – не Земля.

Впрочем, какая-то земля, все же, приближалась. Когда солнце уже начинало клониться к той таинственной пещере за морем, в которой исчезает каждый вечер, он увидел её. Может, её и раньше можно было увидеть, но он слишком отдавался гребле. Теперь же, подняв голову, ясно рассмотрел пики гор, крутые склоны, темную полосу внизу. Твердь за Большой водой. Все слышанное о ней раньше, слушанное у тлеющего очага, вновь ожило в памяти. Твердь, где

живут странные звери с рогами длиной в ногу, где духи выходят из тел людей и оборачиваются животными. Последнее воспоминание заставило еще раз испуганно оглянуть вокруг. Не превратятся ли его спутники по ночам в лис, оленей или кого-то хуже, кого и вообразить нельзя?

Чужаки вокруг него, однако, ни в кого не превращались. Просто с невообразимой ему раньше выносливостью продолжали погружать весла в воду, повинаясь все более хриплой команде сзади.

Суши они достигли, когда солнце уже исчезло за морем, а желтоватое свечение сумерек окутало и его, и землю, на которую он со всеми остальными втащил плот. Втащил – и повалился, думая, что теперь пролежит так день и ночь, не в силах сдвинуться.

Но силы возвращались быстрее. Через некоторое время он почувствовал, что может выпрямиться, и тревожное любопытство вновь зажглось угольком где-то внутри. Последыш приподнялся, сел и начал осматриваться.

Оказалось (он понял это с удивлением и едва ли не разочарованием), что эта земля мало чем отличается от той, которую он знал всю жизнь. То же море, накатывавшееся на покрытый гольшами берег, те же скалы, торчащие из прибоя, деревья в отдалении. В сумерках было трудно различить, но, кажется, очень похожие на деревья Земли.

Трое чужаков, вооружившись дротиками, двинулось вдоль берега, после того, как обменялись несколькими словами со Скелом. Другой, юноша примерно, его лет, ухватив с собой остаток сухих ветвей с плота, взбежал вверх по каменистому мысу. Еще двое, найдя ровное место в нескольких десятках шагов от моря, начали копать яму, орудуя плоской деревянной лопаткой и подобранными на берегу плоскими камнями.

Последыш долго наблюдал за их работой, не понимая её смысла, пока не увидел, как к вырытой яме подходит Скел. Нагнувшись, он стал на колени и что-то зачерпнул ладонью, и поднес ко рту.

Выпрямившись, он проговорил какое-то слово, и остальные тоже приблизились к яме один за другим. Их было пятеро – до десяти Последыш считал хорошо – и еще трое ушло вдоль берега вскоре после высадки. Он неуверенно подошел к ним, и увидел, что яма, глубиной, наверное, в два локтя, наполовину полна водой. Мореходы один за другим касались её руками, стараясь набрать только с самого верха, и делали глоток. Но вот, когда Последыш уж ожидал своей очереди, один мужчина, долговязый, с всклокоченными короткими волосами, пригубил из ладони, выплюнул и покачал головой. Человек с деревянной лопаткой отошел в сторону на пару десятков шагов и снова начал копать. Юноша смотрел на них, чувствуя, как желание пить заполняет разум все больше, по мере того, как мышцы понемногу отпускало утомление.

В итоге, ему позволили сделать несколько глотков из второй ямы, которую вырыли недалеко от первой – оказывается, пригодная к питью, хоть и чуть солоноватая, вода была только на поверхности, ниже шла уже морская горечь.

Потом они играли со Скелом в знакомую игру – старший мореход называл слова на своем языке, и заставлял его повторять, пока окрик сверху не прервал их.

Мужчина со шрамом, разводивший огонь, размахивал руками и выкрикивал что-то Скелу, и Последыш увидел, как его собеседник выпрямился, острый и напряженный, и усмешка, похожая на оскал, чуть раздвинула его губы. Он обменялся с кричавшим какими-то словами, и тот, повернувшись, бросился к огню, схватил округлый камень и начал забивать только разгоревшееся пламя. Потом повернулся и стал спускаться, а остальные столпились внизу, тихо переговариваясь друг с другом.

– Что случилось? – спрашивал себя Последыш, – кого они там увидели? Им страшно?

Но вскоре он понял, что страх – неправильное слово, чтобы описать состояние его товарищей поневоле. Вели они себя так, будто ими овладело какое-то лихорадочное возбуждение.

Один за другим люди из-за моря взбегали на плот, и спускались с него, держа в руках топоры или дротики с тускло блестящими наконечниками. Оружие они складывали на берегу. Для его товарищей по плаванию, вода и еда, казалось, не имели такого уж большого значения – они сделали свои глотки полученной из песка воды, зажевали кусками плохо пропеченной рыбы и сейчас тщательно расчищали площадку на берегу, оттаскивая с неё крупные камни и выкладывая вокруг. Словно и не было двух дней непрерывной гребли.

Вскоре почти ровная окружность мелкой гальки, замкнутая камнями крупнее, была готова. Последыш видел, как тревожно переглядываются и переговариваются чужаки. Их все еще не отпускало странное нетерпение, которым они заразились на мысе.

Что же они там увидели?

Трое посланных вдаль по берегу вернулись, когда почти совсем стемнело. К этому времени посреди очищенного круга, под каменной тенью скалы, был разведен новый огонь. В костер бросали оставшиеся с моря и принесенные из леса ветки, рядом пристроился человек, разделявавший пойманную на склоне дня рыбину.

Когда все были в сборе, Последыш увидел, как Скел поднял руку с зажатым в ней топором и выкрикнул какое-то слово. Услышав его, чужаки начали, один за другим, подходить к кругу. Рыбья плоть уже шипела над красными углями, нанизанная на маленькие палочки. С удивлением юноша увидел, как в свободной руке Сकेла откуда-то появилась маленькая трубка. Он поднес её ко рту, и тихий свист наполнил воздух. Скел перебирал пальцами, и высота свиста колебалась, складываясь в простую мелодию. Когда свист умолк, мужчина снова вскинул вверх руку с топором и громко, нараспев проговорил какие-то слова, подхваченные остальными. Он произнес их снова, и опять ему ответили эхом.

Повернувшись к нему, Скел громко окликнул его знакомыми уже словами:

– Камеш! Сюда!

Последыш настороженно подошел к ним. Сейчас он видел, что некоторые мужчины тоже держат в руках топоры с короткими и очень острыми лезвиями. В голове мелькнула мысль – бежать от них, но он не смог себя заставить рвануться в темневший за спиной лес. Это была не Земля, что за чудовища могли жить под его сводами? А этих людей он, хотя бы, уже знает.

Но, когда он приблизился, чья-то рука вытолкнула его к тлеющим углям, кто-то пинком под колени заставил опуститься – и страшное предчувствие мелькнуло в голове. Эти люди брали его с собой, заставляли грести до своей земли, чтобы...

Он сжался, зажмурился – но вместо удара почувствовал жар у губ и, опять раскрыв глаза, увидел, что к нему поднесли прутик с куском рыбы на нем. Прутик ткнули под губы, и он начал медленно жевать полупропеченную рыбу плоть. Когда он, наконец, проглотил, то почувствовал шаги за спиной, руку на плече. Кто-то скрутил его ухо, его обожгла острая боль. Он вскрикнул, дернулся и рывком повернулся, не зная, что будет делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.